

Святитель ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

Содержание

О подвижничестве

О суде Божиим

О вере

Предначертание подвижничества

Слово подвижническое и увещание об отречении от мира и о духовном совершенстве

Слово о подвижничестве первое

Слово о подвижничестве второе

Слово о подвижничестве третье

Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и в отшельничестве

Вступление

Глава 1. О том, что молитву должно предпочитать всему

Глава 2. О бдительности над помыслами и о том, что тело не есть зло, как предполагают некоторые

Глава 3. О том, что не должно без осторожности иметь свидания с женщинами

Глава 4. О том, что воздержание должно измерять телесною силою, и о том, что телесный труд есть дело прекрасное и законное

Глава 5. О том, что подвижнику надобно заниматься приличными ему работами

Глава 6. О том, что подвижнику не должно без осторожности проводить время со всякими людьми

Глава 7. О том, что не должно делать частых и неосмотрительных выходов

Глава 8. О том, что не должно давать воли и свободного доступа скитающимся подвижникам, но надобно остерегаться и их

Глава 9. О том, что подвижнику никак не должно домогаться избирательного голоса или начальства над братиею

Глава 10. О том, что не из тщеславия должно ревновать о добрых делах

Глава 11. О благовременном употреблении слова

Глава 12. О том, что подвижнику не должно вдаваться в шутки

Глава 13. О кротости и о том, каким образом появляется любовь

Глава 14. О благоразумии

Глава 15. О вере и надежде

Глава 16. О смиренномудрии

Глава 17. Сколькими способами возникают в душе лукавые помыслы

Глава 18. К соблюдающим подвижническое правило в общежитии

Глава 19. О том, что подвижник должен приступать к подвигу с твердою решительностью, и о послушании

Глава 20. О том, что не должно домогаться бесед с мирскими родственниками или заботиться о делах их

Глава 21. О том, что не должно отделяться от духовного братства

Глава 22. О послушании - полнее

Глава 23. О том, что подвижнику и низкие работы должно брать на себя с великим усердием

Глава 24. О том, что подвижнику не должно домогаться почестей и отличий

Глава 25. О неизысканности и простоте в снедах

Глава 26. О том, что стремящемуся к совершенству не причинит никакого вреда выход из обители

Глава 27. О том, что подвижнику не должно иметь своих собственных занятий

Глава 28. О том, что настоятель должен с отеческим доброжелательством устраивать нужное для пребывающих в послушании

Глава 29. О том, что в обществе подвижников не должно быть дружеских связей между двумя или тремя братьями

Глава 30. О том, что подвижнику не должно заботиться о выборе для себя одежды и обуви

Глава 31. О том, что настоятель должен сообразовывать свои приказания с телесными силами подчиненных, и о скрывающих свои силы

Глава 32. О том, что братия не должны огорчаться, когда слабосильным оказывается пощада

Глава 33. О том, что настоятели не должны давать воли подвижникам, оставляющим свое собрание, и принимать их в общежитие

Глава 34. О том, что подвижник, живущий в братстве, не должен приобретать чего-либо мирского в собственное свое владение

Текст печатается по изданию: «Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, архиепископа Кесарии Каппадокийския». Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии. СПб., 1911. Т. 2.

О подвижничестве

О суде Божиим

По милосердию и человеколюбию благого Бога, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, по действию Святаго Духа избавленный от языческого заблуждения, от предков унаследованного, издавна с самого начала воспитанный христианскими родителями, от них с детства изучал я и священные письмена, ведущие меня к познанию истины. Когда же стал я мужем, тогда, предпринимая частые путешествия и, как естественно, знакомясь с очень многим, в других искусствах и науках заметил великое согласие у людей, тщательно занимающихся тем или другим; в одной только Церкви Божией, за которую Христос умер и на которую обильно излил Духа Святаго, видел я у многих великое и чрезвычайное разногласие как между собою, так и с Божественными Писаниями; и что всего ужаснее, сами предстоятели Церквей настолько разногласят между собою в убеждениях и мнениях, допускают столько противного заповедям Господа нашего Иисуса Христа, так безжалостно раздирают Церковь Божию, так нещадно возмущают стадо Его, что если когда, то именно теперь, с появлением аномеев, исполняется на них сказанное: от вас самех востанут мужие глаголющие развращенная, еже отторгати ученики вслед себе (Деян. 20, 30).

Видя сие и подобное сему, притом недоумеваю, какая причина такого зла и откуда она, сначала жил я как бы в глубокой тьме или как на весах колебался то туда, то сюда, потому что всякий по-своему то привлекал меня к себе по причине долговременного обращения с людьми, то отталкивал от себя по причине, дознаваемой из Божественных Писаний истины. Когда же долгое время находился я в таком состоянии и доискивался причины, о которой упомянул, пришла мне на память Книга Судей, которая повествует, что кийждо, еже право пред очима его, творяше, а вместе с тем объясняет и причину сего, сказав наперед: В тыя же дни не бяхе царя во Израили (Суд. 17, 6). Припомнив же это, и о настоящем я подумал то,

что страшно, может быть, и странно выговорить, но должно признать весьма справедливым, а именно: не вследствие ли отступления от единого и великого, истинного и единственного Царя всяческих и Бога и ныне происходит такое разногласие и распря между членами Церкви, когда каждый отступает от учения Господа нашего Иисуса Христа, самовольно защищает какие-то собственные суждения и определения и хочет лучше начальствовать вопреки Господу, нежели быть под начальством у Господа? Рассудив так и ужаснувшись крайней степени нечестия, я, продолжая свое исследование, и из житейских дел одинаково убедился в том, что вышесказанная причина истинна. Я увидел, что всякое благочиние и согласие между многими до тех пор держатся с успехом, пока сохраняется общая всех благопокорность одному какому-нибудь начальнику, а всякое разногласие и раздор, а также многоначалие бывают следствием безначалия. Видел я иногда, что и рой пчел по закону природы имеет у себя вождя и чинно следует за собственным царем. Подобного сему много видел я, много и слышал, но еще более моего знают занимавшиеся этим, так что и из этого обнаруживается истина сказанного. Ибо если тем, которые внимают одному мановению и имеют одного царя, свойственны благочиние и согласие, то всякое разногласие и раздор - признак безначалия. На том же основании и встречаемое у нас такое разногласие как с заповедями Господними, так и в отношении друг к другу может служить уликой или в отступлении от истинного Царя, по сказанному: точию держай ныне дондеже от среды будет (2 Фес. 2, 7) (В русском переводе: *Пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2 Фес. 2, 7). - Ред.), или в отречении от Него, по сказанному: Рече безумен в сердце своем: несть Бог, к чему, как некоторый признак или доказательство, присовокуплено: Раствлеша и омерзишася в начинаниях (Пс. 13, 1).

Итак, здесь слово показало, что как бы признаком подобного нечестия, тайно гнездящегося в душе, бывают явно обнаруживающиеся пороки. И блаженный апостол Павел, чтобы людей, не погубивших сердца, тем сильнее привести в страх судов Божиих, утверждает, что именно на это (пороки) вместо наказания осуждаются вознерадевшие об истинном боговедении. Ибо что говорит? И якоже не искусиша имети Бога в разуме, предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная, исполненных всякия неправды, лукавства, лихоимания, злобы, исполненных зависти и прочего (Рим. 1, 28-29). И думаю, что Апостол не от себя выдумал этот суд, потому что имел в себе глаголющего Христа, но наведен на мысль тем Его изречением, в котором говорит, что сего ради в притчах глаголет народу, да не разумеют Божественных тайн Евангелия, потому что сами наперед очи свои смежиша, и ушиа тяжко слышат, и отолсте неразумное сердце их (Мф. 13, 13, 15). Таким образом, в виде наказания страдают слепотою в важнейшем те, которые еще прежде омрачились, произвольно ослепив свое душевное око. Сему-то страшась подвергнуться, Давид говорил: просвети очи мои, да не когда усну в смерть (Пс. 12, 4). Из сего и подобного сему выводил я то ясное заключение, что вообще порочность страстей происходит от незнания Бога или от знания неправого; собственно же разногласие многих между собою бывает оттого, что сами себя делаем недостойными Господня над нами попечения.

К рассмотрению же таковой жизни если и хотел я иногда приступить, то не мог измерить великости подобного бесчувствия, или неразумия, или безумия, или по чрезмерности порока, или и сказать не умею почему. Ибо если находим, что и у бессловесных взаимное между ними согласие так хорошо поддерживается их благопокорностью вождю, то что скажем мы, находящиеся и в таком раздоре между собою и в такой несогласии с заповедями Господними? Как не подумаем, что все сие ныне предлагается всеблагим Богом в наше научение и назидание, а в великий и страшный День Суда обращено будет в посрамление и осуждение непокорных Тем, Кто сказал уже и всегда говорит: Позна вол стяжавшаго, и осел ясли господина своего; Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша (Ис. 1, 3) и многое другое сему подобное? А то, о чем говорит Апостол? Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди; аще славится един уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 26) и еще: да не будет распри в телеси, но да тожде в себе пекутся уди (25), очевидно движимые одною обитающею в них душою, - для чего так устроено? Для того, думаю, чтобы подобный порядок и благочиние еще более сохранялись в

Церкви Божией, которой сказано: Вы же есте тело Христово, и уди от части (1 Кор. 12, 27), потому, конечно, что в ней содержит и сочетавает каждый член в единомыслии с другим единая и истинно единственная Глава, которая есть Христос. А если у кого не соблюдается единомыслие, не оберегается союз мира, не сохраняется кротость в духе, находятся же разделение, распря и зависть, то очень дерзко было бы назвать таковых членами Христовыми или сказать, что они под управлением Христовым, но в простоте сердца смело можно утверждать, что там владычествует и царствует мудрование плотское, по изречению Апостола, который в одном месте говорит определенно: емуже представляете себе рабы в послушание, рабы есте, егоже послушаете (Рим. 6, 16), а в другом ясно перечисляет свойства такового мудрования, когда говорит: Идеже бо в вас зависти и рвеня и распри, не плотстии ли есте? (1 Кор. 3, 3); и вместе положительно учит, что конец их тягостен и что у них нет ничего общего с богочестием, именно, говоря: мудрование плотское вражда на Бога; закону бо Божию не покарается, ниже бо может (Рим. 8, 7), ибо говорит Господь: Никтоже может двема господинома работати (Мф. 6, 24).

Потом поелику Сам Единородный Сын Божий, Господь и Бог наш Иисус Христос, Которым все приведено в бытие, вопиет: сниход с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Ин. 6, 38), и: о Себе ничесоже творю (Ин. 8, 28), и: Я заповедь принял, что реку и что возглаголю (Ин. 12, 49) и поелику Дух Святой, хотя и разделяет великие и чудесные дарования и все во всех действует, однако же ничего не глаголет от Себя, но елика аще услышит от Господа, то и глаголет (Ин. 16, 13), то не тем ли паче необходимо всей Церкви Божией тцательно блюсти единение духа в союзе мира (Еф. 4, 3), исполнять сказанное в Деяниях: Народу же веровавшему бе сердце и душа едина (Деян. 4, 32), то есть когда никто не следовал собственной воле, но все в едином Святом Духе сообща искали воли единого Господа Иисуса Христа, сказавшего: сниход с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца, Которому и говорит: не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут (Ин. 17, 20-21)? Из сих и многих других, умалчиваемых мною, мест, ясно и беспрекословно уверившись, что для всей совокупно Церкви Божией необходимо согласие по воле Христовой в Духе Святом, опасна же и пагубна во взаимном раздоре непокорность Богу, ибо сказано, что не покоряющийся Сыну не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. 3, 36), почел я приличным исследовать и то, какие грехи могут иметь извинение у Бога? В чем и сколько раз согрешив, человек делается повинным осуждению в непокорности?

Итак, взяв Божественные Писания, в Ветхом и Новом Завете нахожу, что непокорность Богу ясно поставляется не во множестве и не в важности грехов, но в одном преступлении какого бы то ни было повеления и что за всякое преступление суд Божий равен.

В Ветхом Завете читаю страшный этот конец Ахара (Нав. 7) или историю о собиравшем дрова в субботу (Чис. 15, 32-36), из которых тот и другой никогда в другое время не оказываются вовсе ни против Бога грешившими, ни людей обижавшими во многом или в малом. Но один из них за однократное и первое собиране дров несет неизбежное наказание, не находя и места покаянию, ибо тотчас по Божию повелению всенародно побивается камнями. А другой за то единственно, что взял нечто от клятвы (Нав. 7, 11), не внесенное еще в сонмище (*Сонмище - собрание людей или место, где они собираются.*), не принятое теми, которые поставлены были над подобными вещами, сделался причиною гибели не только себе, но и жене, и детям, и самой даже куще (*Куща - палатка, шатер.*) со всею собственностью. Зло греха, подобно огню, готово уже было истребить и весь народ, который притом и не знал случившегося и не был в участии с согрешившим, если бы вскоре вследствие того, что пали убитыми мужи (Нав. 7, 5), народ, ощутив гнев Божий, не пришел в сокрушение, а сам Иисус Навин со старцами не пал на землю, посыпав главу перстиею, и затем виновный, открытый жребием, не понес сказанной выше казни.

Иной скажет, может быть, что людей сих справедливо можно подозревать и в других грехах, из-за которых они уличены и в грехах поименованных, Святое же Писание упомянуло только о последних, о более тяжких и достойных смерти. Но если таковой и будет крайне смел на то, чтобы одно прибавлять в Писании, а другое убавлять, то неужели

обвинит во множестве грехов и Мариам, сестру Моисееву, добродетель которой, думаю, всякому из верных небезызвестна? Поелику она сказала нечто против Моисея в осуждение его, и притом сказала правду, потому что пишется: жену себе поя ефиопляныню (Чис. 12, 1), то испытала на себе такой гнев Божий, что и по ходатайству самого Моисея не отменено ей наказание за грех. А когда вижу, что сам Моисей, раб Божий, столь великий муж, удостоившийся от Бога такой высокой чести, о котором Сам Бог многократно свидетельствовал, так что он сподобился услышать: вем ты паче всех, и обрел еси благодать предо Мною (Исх. 33, 17),- когда вижу, что и он при воде пререкания не за что-либо иное, а за то единственно, что ропщущему на недостаток воды народу сказал: еда из камени сего изведем вам воду? (Чис. 20, 10), за это одно тотчас услышал угрозу, что не войдет в обетованную землю, которая тогда была для иудеев главным из обетований; когда вижу, что он молится и не получает прощения; когда вижу, что и ради таких заслуг не удостоивается никакого извинения за краткое сие изречение, тогда действительно усматриваю, по слову Апостола, непощадение Божие (Рим. 11, 22), действительно уверяюсь в истине сказанного: аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится? (1 Пет. 4, 18).

И что говорю сие? Когда слышу тот страшный Божий приговор, который объявляется человеку, по неведению преступившему одну только заповедь, не знаю, как в должной мере убояться величия гнева. Ибо написано: И душа яже аще согрешит, и сотворит едину от всех заповедий Господних, ихже не леть есть творити, и не уведе, и согрешит, и примет грех свой, и да принесет овна непорочна от овец, ценою сребра греха ради, к жерцу, и да помолится о нем жрец, о неведении его, егоже не веде, и сам не ведяше, и оставится ему; согреси бо согрешением пред Господем (Лев. 5, 17-19). Если же так неумолим суд за грехи по неведению, и необходима жертва для очищения, которую, как засвидетельствовано, приносил за сыновей даже праведный Иов, что сказать о согрешающих в ведении или о тех, которые подобных людей оставляют в покое?

И чтобы не подумали, будто бы по вероятным только догадкам делаю заключение о гневе Божиим на сих людей, нужно опять вспомнить богодухновенное Писание, которое в настоящем случае и одной историей достаточно изображает суд над таковыми. Сказано: Сынове Илии жерца, сынове погибельнии (1 Цар. 2, 12). Поелику же отец не строго наказывал таковых сыновей, сие подвинуло долготерпение Божие на такой гнев, что, когда восстали иноплеменники, сыновья эти были убиты в один день на войне, весь народ побежден, много людей пало, и с ковчегом святого Божия завета случилось то, чего прежде никогда не слыхали: тот ковчег, к которому прикасаться израильтянам не позволялось, даже и священникам позволено было не всем и не всегда, и который могло вмещать в себя не всякое без разбора место, сей самый ковчег нечестивыми руками переносим был туда и сюда и поставляем был не во Святом, а в храмах идольских, причем можно себе представить, сколько было от иноплеменников посмеяния и посрамления и самому имени Божию!

Сверх того, как написано, и сам Илий потерпел самую жалкую кончину, выслушав угрозу, что даже и потомство его будет лишено священнического сана, что и сбылось. Вот что случилось с народом! Вот что за беззакония детей потерпел отец, который, впрочем, в собственной своей жизни ни в чем никогда не был обвинен, да и сыновей своих не оставлял в покое, но много увещевал их, чтобы они не продолжали подобных дел, говоря: Ни, чада, ни, не благ слух, егоже аз слышу о вас (1 Цар. 2, 24)! Даже в более сильных выражениях доказывая великость греха, представлял им более страшную опасность, ибо говорил: Аще согрешая согрешит муж мужеви, помолятся о нем ко Господу; аще же Богу согрешит, кто помолится о нем (25)? Впрочем, поелику, как сказал я, не показал надлежащей ревности против сыновей, то и случилось описанное выше.

Весьма много нахожу в Ветхом Завете подобных судов над всяким преслушанием, но, когда обращаюсь к Новому Завету, где Господь наш Иисус Христос не освобождает от наказания даже грехов по неведению, а против грехов ведомых еще сильнее выражает угрозу, говоря: Той же раб ведевый волю господина своего, и не уготовав себе, ни сотворив по воли его, биен будет много; неведевый же, сотворив же достойная ранами, биен будет мало (Лк. 12, 47-48); когда нахожу подобные приговоры Самого Единородного Сына Божия, вижу

негодование святых Апостолов на согрешающих, вижу, что такие и столь великие бедствия согрешивших в чем-нибудь одном не меньше описанных в Ветхом Завете, но еще и больше, тогда познаю всю строгость суда. Ибо емуже предаша множайше, множайше истяжут от него (Лк. 12, 48). Вот что говорит и блаженный Павел, показывая вместе и достоинство звания, и негодование на всякий грех: Оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе и всяко возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово, и даже не сие только но и в готовности имуще отмстити всяко преслушание (2 Кор. 10, 4-6).

Из сего тщательнее вникнувший в каждое слово точнее может узнать намерение Божественного Писания, то есть, что оно не позволяет нам, чтобы душа каждого из нас, будучи поползновенна ко греху, вводила себя в заблуждение какими-то обманчивыми мнениями, думая, что иные грехи наказываются, а иные оставляются без наказания. Но что говорит Павел? Помышления низлагающе и всяко возношение взимающееся на разум Божий, так что всякий грех, по причине презрения к Божию повелению, называется возношением, взимающимся на разум Божий, что яснее выражается в Книге Числ. Ибо когда Бог, исчислив произвольные грехи и установив за них жертвы, восхотел уже дать народу надлежащие законы касательно грехов произвольных, тогда начинает так: И душа яже сотворит рукою гордости (рукою же гордости называет дерзость согрешающих произвольно, что Апостол именует возношением, взимающимся на разум Божий), итак, говорит, душа яже сотворит рукою гордости от туземцев, или от пришельцев, Бога сия разгневает, и потребится душа та от людей своих, яко слово Господне презре и заповеди Его разсыпа, сотрением да сотрется душа та; и грех ея на ней (Чис. 15, 30-31).

Здесь должно заметить то, что, если не сотрется сотрением душа та, грех ея не на ней только, но и на тех, которые не показали благой ревности, как во многих местах о том писано и как многократно бывало. И чтобы из меньшего научиться нам страху в большем, посмотрим, как во Второзаконии гневается (Бог) на преслушавших священника или судию. Ибо говорит: И человек, иже сотворит в гордости, еже не послушати жерца предстоящего служити во имя Господа Бога твоего, или судии, иже в тья дни будет, да умрет человек той, и да измени злое от Израиля; и вси людие услышавше убоятся, и не будут нечестивати ктому (Втор. 17, 12-13). И сие надобно иметь ввиду, чтобы человек, в должной мере впечатлительный, поражался большим ужасом.

Потом Апостол говорит: и пленяюще всяк разум в послушание Христово, - всяк разум, а не тот или другой; и в готовности имуще отмстити, - и здесь опять не то или другое, но всяко преслушание. Следовательно, обманывает нас эта злейшая привычка, следовательно, причиною великих бед служит для нас это превратное человеческое предание, которое одних грехов отвращается, а другие допускает равнодушно; на иные, как, например, на убийство, прелюбодеяние и тому подобные грехи, представляется сильно негодующим, а иные, как, например, гнев, злословие, пьянство, любостяжание и другие тому подобные, не почитает достойными и простого выговора, между тем как на сии последние во Христе глаголющий Павел и в другом месте произнес тот же приговор, сказав, что таковая творящий достоини смерти суть (Рим. 1, 32). А где всяко возношение взимающееся на разум Божий низлагается, и всяк разум пленяется в послушание Христово, и всякое преслушание равно наказуется, там ничто не оставляется неочищенным, ничто не остается вне послушания Христова. Ибо апостол Павел показал, что всякое преслушание есть вообще величайшее нечестие, сказав следующее: Иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога безчестуеши (Рим. 2, 23).

Но не одни ли это слова, а не дела? Итак, вот: в Коринфе имевший жену отцову и ни в чем другом кроме сего не обвиненный не только сам предается сатане во измождение плоти (1 Кор. 5, 5), пока не загладит прегрешения достойными плодами покаяния, но и вся вместе Церковь за то, что не наказала за грех, подвергается тем же обвинениям: Что хотите? с палицею ли прииду к вам? (1 Кор. 4, 21) и вскоре потом: И вы разгордесте, и не паче плакасте, да изменится от среды вас содеявый дело сие (5, 2).

А Анания, упоминаемый в Деяниях (Деян. 5), какое другое злое дело совершил, кроме описанного там? За что же оказывается достойным такого гнева? Продав собственное

имение, принес он деньги и положил к ногам Апостолов, утаив несколько от цены, и за сие в тот же час вместе с женою наказывается смертию, не удостоившись выслушать слов о покаянии во грехе, не имея времени прийти о нем в сокрушение, не получив отсрочки на покаяние.

А исполнитель сего страшного суда, служитель такого гнева Божия на согрешившего, блаженный Петр, который был предпочтен всем ученикам, который один более других был отличаем и ублажаем, которому вверены ключи Царства Небесного, когда слышит от Господа: аще не умыю тебе, не имаша части со Мною (Ин. 13, 8), какого, даже и каменного, сердца не убедит страшиться и трепетать судов Божиих? И это слышит тот, кто не показал и вида греха и презрения, напротив того, воздал самую высокую честь Господу и показал почтительность, свойственную рабу и ученику. Ибо видя, что его и общий всех Бог и Господь, и Царь, и Владыка, и Учитель, и Спаситель, и все вместе, препоясывается полотенцем, подобно служителю, и хочет омыwać ноги его, тотчас, как бы пришедши в сознание своего недостойнства и пораженный достоинством Приходящего, воскликнул: Господи, Ты ли мои умыеши нозе? и еще: не умыеши ногу мою во веки (Ин. 13, 6, 8). И за сие слышит такую угрозу, что если бы, сознав опять истину слов Господних, не ускорил исправить прекословия послушанием, то к уврачеванию настоящей его непокорности было бы недостаточно всего предшествовавшего и собственных его заслуг, и Господних ублажений, даров и обетований, и самого откровения о толиком благоволении Бога и Отца к Единородному Сыну.

Но если пожелаю собрать все, что нахожу в Ветхом и Новом Завете, то скоро не достанет у меня времени, чтобы пересказать это. Когда уже перехожу к самым изречениям Господа нашего Иисуса Христа в Евангелии, к глаголам Того, Кто будет судить живых и мертвых, к глаголам, которые для верующих достовернее всякой истории и всякого другого доказательства, то познаю из них великую, так скажу, необходимость благопокорности во всем Богу, но совсем не вижу, чтобы в каком-либо случае оставалось извинение не раскаивающимся в непокорности, если только при столь открытых, ясных и решительных изречениях позволительно отважиться хотя помыслить о чем другом. Ибо говорит: Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут (Мф. 24, 35). Нет здесь различия, нет деления, вовсе никакого не сделано исключения. Не сказал: те или другие слова, но словеса Моя, то есть все в совокупности, не мимоидут. Ибо написано: Верен Господь во всех словесех Своих (Пс. 144, 13), запрещает ли что или повелевает, обещает ли или угрожает как за соделание запрещенного, так и за опущение предписанного.

А что наравне с соделанием зла наказывает и опущение добрых дел, душе, не вовсе недугующей неверием, достаточное в том доказательство и удостоверение упомянутой выше суд над Петром, который не что-либо запрещенное сделал и не заповедь какую-либо не исполнил, чем обличилось бы нерадение или презрение не исполнившего, а только из благоговения не соглашаясь принять услугу и честь от Владыки, услышал такую угрозу, которой не избежал бы, если бы, как сказано выше, не предупредил гнева скоростью и ревностью в исправлении. По крайней мере, поелику благий и милосердый Бог, будучи к нам долготерпелив, благоволил одно и то же показать нам многократно и во многих примерах, чтобы душа, возбуждаемая и поражаемая многими и непрестанными вразумлениями, хотя со временем могла избавиться от долговременного навыка к беззаконию, в настоящем случае нужно упомянуть только сказанное о тех, которые в великий и страшный День Суда станут ошуюю Господа нашего Иисуса Христа. О них Приявший от Отца всю власть суда, Пришедший во свете привести тайная тмы и объявить советы сердечныя (1 Кор. 4, 5) сказал: идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41) и присовокупил причину, говоря: не потому, что вы убивали, или блудили, или лгали, или кого-нибудь обижали, или делали что иное из запрещенного, хотя бы и маловажное. Но почему? Потому что не радели о добрых делах. Взалкался бо,- говорит,- и не дасте Ми ясти; возжадахся, и не напоисте Мене; странен бех, и не введосте Мене; наг, и не одеясте Мене; болен и в темнице, и не посетисте Мене (Мф. 25, 42-43).

По благодати благого Бога, хотящего всем человеком спастися и в разум истины приити (1 Тим. 2, 4) и учащего человека разуму (Пс. 93, 10), познав сие и подобное сему из богодухновенных Писаний, постигнув ужаснейшую причину такового разногласия многих и друг с другом, и с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, наставленный о страшном оном суде за такое беззаконие, наученный и тому, что всякое преслушание всякого Божия суда равно наказывается, и еще познав страшный оный суд над теми, которые хотя не грешили, однако ж подпали гневу, потому что не показали доброй ревности против грешивших, хотя часто и не сознавали сего греха, почел я за нужное, хотя и поздно (потому что всегда ожидал подъявших этот самый подвиг благочестия и не полагался на себя одного), впрочем, может быть, и не безвременно, собрав из богодухновенных Писаний и что не угодно Богу, и чем Он благоугождается, предложить сие ныне по мере сил и по общему желанию в напоминание подвизающимся подвигом богочестия, чтобы нам по благодати Господа нашего Иисуса Христа и по научению Святаго Духа, отстав от навыка творить собственную волю и соблюдать предания человеческие, сообразуясь же с благовестием блаженного Бога Иисуса Христа Господа нашего, в настоящее время пожив благоугодно Ему (1 Тим. 1, 11) усиленным удалением от запрещенного и ревностным попечением о похвальном, в будущем веке удостоиться бессмертия, избежать гнева, грядущего на сынов противления (Кол. 3, 6), удостоиться оказаться достойными вечной жизни и Небесного Царствия, обетованного Господом нашим Иисусом Христом всем хранящим завет Его и помнящим заповеди Его творити я (Пс. 102, 18). Помня же, что Апостол сказал: О Христе Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание, но вера любовию поспешествуема (Гал. 5, 6), за приличное и вместе за нужное почел я изложить сперва здравую веру и благочестивое учение об Отце и Сыне и Святом Духе, а к сему присовокупить и нравственные правила.

О вере

По благодати благого Бога, узнав достойное любви к Богу о Христе требование вашего благоговения, которым домогались вы у меня письменного исповедания благочестивой веры, хотя сперва, сознавая свое смирение и немощь, медлил я ответом, однако ж как скоро вспомнил Апостола, сказавшего: терпяще друг другу любовь (Еф. 4, 2) и еще: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение (Рим. 10, 10), почел не безопасным как отказать вам, так и предать молчанию спасительное исповедание, имея, по написанному, надеяние Христом к Богу, не яко довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога, Иже тогда их, а ныне - и это ради вас - и нас, удоволи служители быти Нову Завету, не письмени, но духу (2 Кор. 3, 4-6).

Верному же служителю, как, без сомнения, сами знаете, свойственно все то, что вверено ему благим Владыкою на благоустроение сослужителей, сохранять для них без обмана и лжи. Потому и я чему научился из богодухновенного Писания, то в угождение Богу обязан предложить вам к общей пользе. Ибо если Сам Господь, о Немже благоволи Отец (Мф. 3, 17), в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. 2, 3), приявший от Отца всякую власть и весь суд, говорит: заповедь даде Мне, что реку и что возглаголю и еще: яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю (Ин. 12, 49-50) и если Дух Святыи не от Себе глаголет, но елика аще услышит от Него, сие глаголет (Ин. 16, 13), то кольми паче нам благочестиво и вместе безопасно так думать и делать во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Пока надлежало бороться с возникавшими по временам ересями, следуя предшественникам, почитал я приличным, смотря по различию посеваемого диаволом нечестия, останавливать или низлагать распространяемые хулы опровержениями и употреблял, как вынуждала к тому потребность недугующих, те и другие изречения, часто и такие, которых нет в Писании, но которые, впрочем, не чужды благочестивому смыслу Писания, потому что и Апостол не отказывался для собственной своей цели употреблять нередко и языческие изречения. А теперь почел я сообразным с общею моею и вашею целью требование вашей во Христе любви исполнить в простоте здравой веры, говоря то одно, чему

научен богодухновенным Писанием, как остерегаясь тех имен и изречений, которые не находятся буквально в Божественном Писании, хотя и сохраняют мысль, содержащуюся в Писании, так и от слов, которые будучи не употребительны в Писании буквально, подают еще нам и странную мысль и которых нельзя найти в проповеди святых, совершенно отказываясь, как от странных и чуждых благочестивой вере.

Вера есть несомненное согласие на то, что выслушано с удостоверением в истине проповеданного по благодати Божией; такую веру показал Авраам, о котором засвидетельствовано, что не усумнеся неверованием, но возможе верою, дав славу Богу и известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити (Рим. 4, 20-21). Если же верен Господь во всех словесех Своих (Пс. 144, 13), верны вся заповеди Его, утвержены в век века, сотворены во истине и правоте (Пс. 110, 7-8), то отметить что-нибудь из написанного или вводить что-нибудь из ненаписанного есть явное отпадение от веры и избличение своей гордости, потому что Господь наш Иисус Христос сказал: Овцы Моя гласа Моего слушают и прежде сего сказал: По чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа (Ин. 10, 27, 5) и Апостол строго запрещает прибавлять или убавлять что-нибудь в богодухновенных Писаниях, представляя пример, взятый из человеческих обычаев, когда говорит: обаче человеческого предутвержденна завета никтоже отмечает или приповелевает (Гал. 3, 15).

Посему решился я как всегда, так и теперь избегать всякого речения и понятия, чуждого учению Господню, потому что, как выше заметил, цель, мне и вам теперь предлежащая, во многом различна от тех предметов рассуждения, которые заставляли меня писать или говорить иногда так, а иногда иначе. Ибо тогда занимало меня обличение ереси и опровержение диавольского ухищрения, а теперь предполагается исповедание и простое изъяснение здоровой веры. Поэтому не приличен мне теперь и прежний образ речи. Как человек не одни и те же снаряды взял бы в руки, идя воевать и идя возделывать землю (ибо иные снаряды у тех, которые в безопасности трудятся для своего пропитания, и иные вооружения у тех, которые готовятся к битве), так не одно и то же могут говорить и тот, кто увещевает здоровым учением, и тот, кто обличает противоречащих. Ибо иной род речи обличительной и иной род речи увещательной. Инакова простота в мире исповедующих благочестие, инаковы труды опровергающих возражения лжеименного ведения. Поэтому и я, таким же образом устроая речь с рассуждением, везде буду сообразно с целью употреблять слова, служащие к охранению или назиданию веры, иногда мужественно противоборствуя тем, которые с диавольским ухищрением покушаются разорить веру, а иногда проще и ближе излагая ее для тех, которые желают назидаться в вере, и не иное что делая, но сказанное Апостолом: ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати (Кол. 4, 6).

Но прежде нежели приступлю к самому исповеданию веры, надобно заметить и то, что величия Божия и славы Божией, которые и словом необъемлемы, и умом непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить одним речением или понятием. Богодухновенное же Писание с помощью многих речений, обращающихся в нашем употреблении, едва приблизило их к понятию чистых сердцем, и то представив, как в зеркале. Ибо зрение лицом к лицу и совершенное познание, по обетованию (1 Кор. 13, 12), дано будет достойным в будущем веке. А ныне будь кто Павел или Петр, хотя истинно видит то, что видит, и не обманывается и не мечтает, однако же видит зеркалом в гадании и от части (там же), приемля ныне с благодарением, совершенного познания с радостью ожидает в будущем веке.

В сем удостоверяет апостол Павел, следующим образом ведя слово: как егда бех младенец, едва обучившийся первым начаткам словес Божиих, яко младенец глаголах, яко младенец смыслях, егда же бых муж (1 Кор. 13, 11) и поспешаю прийти в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13), отвергох младенческая (1 Кор. 13, 11) и в познании Божественного приобрел такой успех и такое усовершение, что познание в иудейском богочтении стало для меня подобно движениям младенческого ума, а ведение, почерпаемое в Евангелии, свойственным мужу, уже во всем совершенному, так в сравнении с ведением, какое откроется в будущем веке, и то, что ныне в ведении кажется совершенным,

столь коротко и темно, что пред ясностью ведения будущего века имеет более недостатков, нежели сколько видение зеркалом и в гадании недостаточно пред видением лицом к лицу.

Подтверждают же сие, кроме блаженного Петра и Иоанна, и другие ученики Господни, которые при непрестанно большем и большем возрастании и преспеянии в настоящей жизни тем не менее были уверены в превосходстве ведения, предоставленного будущему веку. И после того как оказались достойными избрания Господня, сопребывания с Господом, Его апостольства, раздаяния духовных дарований, после того как слышали: вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго (Мф. 13, 11), после такового ведения по откровении им тайн, неизреченных для прочих, всё еще пред самым уже страданием Господним слышат они наконец: Еще много имам глаголати вам, но не можете носить ныне (Ин. 16, 12).

Из сего и подобного сему познаем, что богодухновенному Писанию известны как беспредельность познания, так и непостижимость Божественных тайн для природы человеческой в настоящей жизни, потому что хотя каждому по мере его успеха прибавляется непрестанно большее и большее ведение, однако же во всех познание никогда не достигает до совершенства, пока не придет совершенное, когда еже от части, упразднится (1 Кор. 13, 10). Следственно, как одного имени недостаточно к выражению всех совершенств Божиих в совокупности, так и каждое из имен не без опасности может быть взято вообще. Ибо если кто скажет Бог, то не выразит понятия Отец, а в слове Отец недостает понятия о Творце.

К сим же понятиям нужно еще присовокупить понятия благодати, премудрости, силы и прочего, упоминаемого в Святом Писании. Опять если слово Отец берем о Боге вообще в употребительном у нас смысле сего слова, то впадаем в нечестие, потому что им приписывается страсть, истечение, неведение, немощь и все тому подобное. Подобно сему и слово Творец, потому что у нас нужны время, вещество, снаряды, пособие; благочестивое же понятие о Боге должно очистить от всего этого, сколько возможно то человеку. Ибо понятия, которое бы вполне было достойно Его, как сказал я, никто никогда не достигнет, хотя бы соединились все умы для исследования и стеклись все языки для выражения оногo. Сию же мысль ясно представляет нам и премудрый Соломон, говоря: рех, умудрюся; и сия удалися от мене далече паче неже бех (Еккл. 7, 24-25), то есть не сокрылась, но для тех, в ком по благодати Божией воспреизбыточествовало ведение, наипаче уяснилась ее непостижимость.

Итак богодухновенное Писание по необходимости употребляет многие имена и речения для частного, и притом загадочного, изображения славы Божией. Но в настоящее время собрать все то, что в богодухновенном Писании в разных местах сказано об Отце и Сыне и Святом Духе, по причине настоятельности вашей, нет у меня ни силы, ни досуга. Предложив же из всего немногое, думаю, что и сего довольно будет для вашей совести, как для обнаружения моего образа мыслей, основанного на Писании, так и для удостоверения вас самих и тех, которые сего между вами желают. Ибо как многое у нас выражает одну благочестивую мысль, так, думаю, благомыслящий и из немногого познает, что благочестиво вообще.

Итак, веруем и исповедуем, что един только истинный и благий Бог и Отец Вседержитель, из Которого все, Бог и Отец Господа нашего и Бога Иисуса Христа. И един Единородный Его Сын, Господь и Бог наш Иисус Христос, единственно истинный, чрез Которого пришло в бытие все, и видимое и невидимое, и в Котором всяческая состоятся (Кол. 1, 16-17), Который в начале бе к Богу и Бог бе (Ин. 1, 1) и посем, по Писанию, на земли явися и с человеки поживе (Вар. 3, 38), во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе истощил и чрез рождение от Девы зрак раба приим и образом обретесе якоже человек, все написанное Его ради и о Нем исполнил по заповеди Отца, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. 2, 6-8), и, в третий день восстав из мертвых по Писаниям, явился святым Своим ученикам и прочим, как написано (1 Кор. 15, 4-8), восшел на небеса и сидит одесную Отца, откуда придет при скончании века сего, воскресит всех и воздаст каждому по делам его, когда праведные будут восприняты в жизнь вечную и в Царство Небесное, а грешные осуждены на вечное мучение, идеже червь их не умирает, и огонь не угасает (Мк. 9, 44). И един только Дух Святыи Утешитель, Которым знаменовались мы в день искупления (Еф. 4, 30), Дух истины, Дух сыноположения, о Немже вопием: Авва

Отче! (Рим. 8, 15), действующий и разделяющий дарования Божии комуждо на пользу, якоже хочет (1 Кор. 12, 4-11), всему научающий и все воспоминающий, что слышит от Сына (Ин. 14, 26), благий, наставляющий на всякую истину (Ин. 16, 13), утверждающий всех верующих в истинном и точном ведении, в благочестивом служении, в духовном поклонении и истинном исповедании Бога Отца и Единородного Сына Его, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и Себя Самого.

Веруем и исповедуем так, что каждое имя ясно отличает у нас свойство Именуемого и непременно о каждом из Именуемых благочестиво умопредставляются преимущественные некоторые свойства: Отец умопредставляется с свойством Отца, Сын - с свойством Сына, Святой Дух - с особенным свойством; ни Святой Дух от Себя глаголет, ни Сын от Себя что творит; и Отец посылает Сына, а Сын посылает Святаго Духа. Так мудрствуем и так крестим в единосущную Троицу по заповеди Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал: Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19-20). И соблюдая сие, доказываем свою любовь к Нему и удостаиваемся, как написано (Ин. 15, 10), пребывать в ней; а не соблюдая сего, изобличаем себя в противном расположении. Ибо не любяй Мя,- говорит Господь,- словес Моих не соблюдает и еще: Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя (Ин. 14, 24, 21).

Всего более дивлюсь, что хотя Сам Господь наш Иисус Христос говорит: не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех (Лк. 10, 20) и еще: О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35), почему Апостол, доказывая, что во всем необходима любовь, свидетельствует, говоря: Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцай. И аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь и несколько ниже: Аще пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится и прочее, к сему присовокупляет: Ныне же пребывают вера, надежда, любви, три сия; болши же сих любви (1 Кор. 13, 1-2, 8, 13); хотя сие и подобное сему так определенно сказано Господом и Апостолом, дивлюсь, говорю, почему люди имеют столько попечения и знания об упраздняемом и прекращающемся, а о пребывающем и наипаче о любви, которая больше всего и составляет отличительное свойство христианина, не только сами не имеют никакой заботы, но и старательным противятся и сим противлением исполняют сказанное: сами не входят и входящим возбраняют входить (Мф. 23, 13; Лк. 11, 52). Потому молю и прошу, прекратив пытливое совопросничество и неприличные словопрения, довольствоваться тем, что сказано святыми и Самим Господом, иметь мысли, достойные небесного звания, жить достойно Христова Евангелия в надежде вечной жизни и Небесного Царствия, уготованного всем тем, которые сохраняют заповеди Бога и Отца, данные нам по Евангелию блаженного Бога Иисуса Христа Господа нашего в Духе Святом и истине.

Сие по требованию вашего благоговения сказать вам напоследок и мнение свое обнаружить вам, а через вас и братьям во Христе в удостоверение вас и их о имени Господа нашего Иисуса Христа, почел я необходимым и должным для меня, чтобы ум некоторых нимало не смущался разностью изложенного у меня иногда так, а иногда иначе, потому что всегда вынуждаем я был рассуждать о том, к чему подавали повод противники истины, и чтобы не поколебались иные возражениями тех, которые хотят приписывать мне чужое или для увлечения простодушных нередко и собственные свои заблуждения ложно выдают за мое мнение. Таковых людей и вам необходимо должно остерегаться, как чуждых евангельской и апостольской веры и любви, помнить же слова Апостола: Но и аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал. 1, 8), чтобы, соблюдая сказанное: Внемлите от лживых пророк (Мф. 7, 15) и еще: отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас (2 Сол. 3, 6), сообразоваться нам с правилом святых, как названным на основании Апостол и пророк, сущу краеуголну Самому Господу нашему Иисусу Христу, о Немже всяко создание составляемо растет в церковь святую о Господе (Еф. 2, 20-21). Сам же Бог мира да освятит

вас всесовершенных во всем и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится. Верен Бог, призывый вас, Иже и сотворит (1 Сол. 5, 23-24), если будем соблюдать заповеди Его по благодати Христовой о Духе Святом.

Рассуждая, что о здравой вере в сказанном доселе говорено для настоящего времени достаточно, постараюсь теперь во имя Господа нашего Иисуса Христа исполнить обещание свое касательно нравственных правил. Поэтому что нахожу запрещенным или одобренным в разных местах Нового Завета, то постарался я по возможности для удобовразумительности желающих собрать в сокращенные правила, приложив к каждому правилу и число заключающихся в нем глав Писания, из Евангелия, или Апостола, или из Деяний, чтобы читающий правило, видя при нем приложенное первое или, если случится, второе число, потом, взяв самое Писание и приискав главу сказанного выше числа, таким образом нашел свидетельство, по которому составлено правило. Сначала хотел я присовокупить к правилам и из Ветхого Завета сказанное в оном согласно с каждым местом из Нового Завета, но поелику настояла нужда, а во Христе братия ныне с особенным усердием стали требовать от меня давно обещанного, то вспомнил я сказавшего: Дажь премудрому вино, и премудрейший будет (Притч. 9, 9). Потому желающий, в предложенных ему местах находя достаточное пособие, может взять Ветхий Завет и сам собою дознать согласие всех богодухновенных Писаний. Впрочем, для верных и не сомневающих в истине словес Господних достаточно и одного изречения. По сей-то причине признал я достаточным и из Нового Завета предложить не все, но из всего немногое.

Предначертание подвижничества

Внушительны указы царя, объявляемые подданным, но внушительнее и царственнее его приказы воинам. Поэтому, как провозглашению военных приказов, да внимает тот, кто желает горнего и великого чина, кто хочет всегда быть Христовым сподвижником, кто слышит эти великие слова: Аще кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Ин. 12, 26). Где Царь Христос? Конечно, на небе. Туда и тебе, воин, должно направлять шествие. Забудь всякое земное упокоение.

Ни один воин не строит дома, не приобретает себе во владение полей, не вмешивается в различные купли для приумножения имущества. Никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет (2 Тим. 2, 4). Пропитание воин имеет от царя, ему не нужно самому добывать пропитание, ни даже заботиться об этом. Ему везде у подданных царя отверст дом по царскому повелению, не нужно ему прилагать трудов о доме. У него на широкой дороге шатер и пища по мере нужды, и питье - вода, и столько сна, сколько дала природа; много походов и бдений, терпеливость и к зною, и к холоду, битвы с противниками, опасности крайние, многократно встречается и смерть, но смерть славная: у него и почести, и дары царские. Многотрудна жизнь его в военное время, но светла во время мира. В виде награды за доблести и венца за добрую жизнь в подвигах ему вверяется начальство, он именуется другом царевым, имеет близкий доступ к царю, удостоивается прикасаться к царской деснице, принимает отличия из руки царя, властвует над его подчиненными и ходатайствует за друзей внешних, за кого угодно.

Итак, воин Христов, взяв себе малые образцы дел человеческих, размысли о благах вечных. Предназначь себе жизнь бездомную, необщественную, нестяжательную. Сделайся независимым, отрешившись от всех мирских забот, да не связывают тебя ни вожделение жены, ни попечение о детях, потому что это невозможно для воинствующего Богу. Оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом (2 Кор. 10, 4). Да не побеждает тебя телесная природа, да не стесняет тебя против воли, да не делает из свободного узником. Заботься не на земле оставить детей, но возвести на небо; не прилепляйся к супружеству плотскому, но стремись к духовному, рождай души и воспитывай детей духовно. Подражай небесному Жениху, низлагай восстания невидимых врагов, вой с началами и властями (Еф. 6, 12), изгоняя их сперва из своей души, чтобы не имели в тебе никакой части, а потом из сердца тех, которые прибегают к тебе, поставляют тебя вождем и защитником охраняемых

словом твоим. Низлагай помыслы, восстающие против веры Христовой. Словом благочестия войю с нечестивым и лукавым помыслом, ибо сказано: помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий (2 Кор. 10, 4-5).

Всего более уповай на руку великого Царя, которая, едва только покажется, приводит в страх и обращает в бегство сопротивных. Если же Ему угодно будет, чтобы ты показал доблесть в опасностях, и когда захочет Свое воинство ввести в битву с воинством сопротивных, то и здесь будь неодолим для всякого труда в ополчении, непоколебим душою среди опасности, с охотою переходя из земли в землю, с моря в море. Ибо сказано: Егда гонят вы, бегайте из града в град (Мф. 10, 23). И когда потребует нужда явиться на суд, предстать пред правителей, терпеть нападения толпы, видеть страшный взор палача, слышать его суровый голос, переносить мучительный вид орудий казни, подвергнуться пытке, подвизаться до смерти - не теряй веры при всем этом, имея пред очами Христа, ради тебя все сие претерпевшего, и зная, что ради Христа и тебе должно терпеть зло. И победишь при этом, потому что следуешь за победителем Царем, Который хочет, чтобы и ты стал участником Его победы.

Если и умрешь, не будешь побежден, но тогда-то и одержишь самую совершенную победу, до конца сохранив в себе истину непоколебимой и дерзновение за истину неизменным. И перейдешь от смерти к вечной жизни, от бесчестия у людей к славе у Бога, от скорбей и мучений в мире к вечным упокоениям с Ангелами. Земля не приняла тебя в свои граждане, но примет небо; мир гнал, но понесут Ангелы представить тебя Христу, и наречешься другом, и услышишь вождеденнейшую похвалу: "Добре, рабе благий и верный (Мф. 25, 23), воин добрый, подражатель Владыки, последователь Царя, Я вознагражу тебя Своими дарами; Я послушаю слов твоих, потому что и ты слушал Моих". Будешь просить о спасении труждающихся братий и с общниками веры, таинниками священной любви примешь от Царя причастие благ. Будешь ликовать вечным ликованием, явишься венценосцем среди Ангелов, под державою Царя царствуя над тварью и блаженно вечнуя в лике блаженства. Если же захочет и после подвигов оставить тебя еще в мире, чтобы совершил ты большее число разнообразных подвигов и многих спас от невидимых и видимых браней, то и на земле велика твоя слава: почтен будешь у друзей, которые найдут в тебе заступника, помощника и доброго молитвенника. Одни напитают тебя как доброго воина; другие почтят как мужественного ратоборца; иные будут приветствовать и с радостью встречать, принимая, как говорит Павел, якоже Ангела Божия, яко Христа Иисуса (Гал. 4, 14). Таковы и подобны сим образцы воинствования Божия.

Слово же сие относится не к одним мужам. У Христа воинствует и женский пол, вписываемый в воинство по душевному мужеству и не отвергаемый за телесную немощь. И многие жены отличились не менее мужей; есть и такие, что даже более прославились. Таковы наполняющие собою лик девственниц, таковы сияющие подвигами исповедания и победами мученичества. И за Самим Господом, в пришествие Его, следовали не только мужи, но и жены. Теми и другими совершалось служение Спасителю.

Поелику таковы и так славны награды, уготованные воинствующим во Христе, то да возжелают сего воинствования и отцы для сынов, и матери для дочерей. Да приведут рожденных ими, наслаждаясь вечными надеждами, которых приобщатся у них дети, и вожделевая иметь заступников у Христа и добрых молитвенников. Не будем малодушны в рассуждении детей, не убоимся, если утруждаются, но будем увеселять себя тем, что прославятся. Посвятим Господу дарованных Им, чтобы и нам быть причастниками в прославлении детей своих, когда вместе с ними сами себя приведем и посвятим Господу. Людям, столь ревностным и так прекрасно подвизающимся, иной может сказать словами Псалмопевца: Благословени вы Господеви, сотворшему небо и землю (Пс. 113, 23) и по примеру Моисея помолится о них: Благослови, Господи, дела их, порази гордыню вставших на них (Втор. 33, 11). Мужайтесь, как неустрашимые, и мужественно совершайте течение ради вечных венцов о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

Слово подвижническое и увещание об отречении от мира и о духовном совершенстве

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы,- говорит Божественный глас (Мф. 11, 28), указывая или на тамошнее, или на здешнее упокоение. Но без сомнения, призывая нас, он увещевает, во-первых, свергнуть с себя бремя многостязания, передав это нуждающимся, а затем, отринув все множество грехов, происходящих от многостязания, чрез благотворение и исповедание притечь к крестоносной жизни монахов. Поэтому вознамерившийся повиноваться Христу и поспешающий к нищетолюбивой и неразвлеченной жизни истинно достоин удивления и убожения.

Но прошу, пусть не делает сего без испытания, пусть не воображает себе жизни удобносной и спасения без борьбы, а лучше пусть наперед упражняется в благоискусном терпении скорбей телесных и душевных, чтобы, ввергнув себя в неожиданные борения и потом не имея силы противостоять встретившимся испытаниям, опять со стыдом и посмеянием не устремиться назад к тому, от чего бежал, с осуждением души возвращаясь в мир и делаясь для многих соблазном, подавая всем повод заключать о невозможности жить о Христе. Опасность же сего знаете все вы, читающие Евангелие, в котором говорит Божественный глас: Унее ему было бы, аще жернов оселский облежал бы о выи его, и ввержен в море, неже да соблазнит от малых сих единаго (Лк. 17, 2), потому что будет он подлежать осуждению не только как оставивший свои ряды воин, но и за погибель соvrащенных им, хотя бы и думал уверять себя душепагубными рассуждениями, будто, и живя в мире, умилоствивляет Бога добрыми делами, что для него невозможно. Ибо кто в жизни, безгрешной по ее неразвлеченности, не смог выдержать борений врага, тот в жизни многогрешной и им самим управляемой возможет ли преуспеть в какой-либо добродетели? Пусть даже он и благоустроит собственную свою жизнь, все-таки не избежит осуждения за то, что оставил Христа, подобно ученикам, упоминаемым в Евангелии, о которых божественный евангелист свидетельствует: мнози от ученик идоша вспять и ктому не хождаху с Иисусом, говоря: жестоко есть слово Его, кто может его послушати? (Ин. 6, 66, 60).

Посему и человеколюбец Бог, пекущийся о нашем спасении, дал жизни человеческой двоякого рода направление, то есть супружество и девство, чтобы тот, кто не в состоянии вынести подвига девства, вступил в сожитие с женою, зная то, что потребуетя от него отчет в целомудрии, святости и уподоблении тем, которые в супруестве и при воспитании детей жили свято. Таков был в Ветхом Завете Авраам, который прославился тем, что предпочел Бога и, преодолев чувство жалости, принес в жертву единокровного сына и двери шатра своего держал отверстыми, готовый к принятию идущих странников, потому что не слышал еще: продаждь имение твое и даждь нищим (Мф. 19, 21). Еще больше сего показали Иов и многие другие, Давид и Самуил. Таковы были в Новом Завете Петр и прочие Апостолы. Ибо у каждого человека потребуются плоды любви к Богу и ближнему, и за уклонение от сих, равно как и от всех заповедей, всякий понесет наказание, как и Господь объявляет в Евангелиях, говоря: Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37) и еще: Кто не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 26).

Соглашаешься ли в том, что Евангелия даны и оженившимся? Вот тебе приведено в ясность, что в послушании Евангелию потребуетя отчет у всех людей, монахи ли они или живут в супруестве. Для вступившего в брак достаточно и того, что ему извиняется невоздержание, пожелание жены и сожитие с нею; прочие же заповеди, как всем равно узаконенные, преступать небезопасно. И Христос, благовествуя заповеди Отца, обращал речь к живущим в мире. А если и случалось, что вопрошенный наедине отвечал ученикам Своим, то свидетельствовал, говоря: А яже вам глаголю, всем глаголю (Мк. 13, 37).

Поэтому и ты, избравший общежитие с женою, не будь беспечен, как будто вправе ты предаться миру. Тебе для улучшения спасения потребно больше трудов и осторожности, потому что избрал ты себе жилище среди сетей и державы отступнических сил, имеешь пред

глазами побуждения ко грехам, и все твои чувства день и ночь напряжены к вожделению их. Посему знай, что не избежишь борьбы с отступником и не одержишь над ним победы без многих трудов на страже евангельских догматов. Ибо как возможно отказаться от ратоборства со врагом, ведя жизнь на самом ратоборном поприще? А это поприще - вся поднебесная земля, которую проходит и обходит враг, как бешеный пес, ища, кого поглотить, как узнаем из истории Иова (Иов. 2, 2). И поэтому если отрекаешься от брани с сопротивником, то ступай в другой мир, в котором его нет, там возможно будет для тебя отречение от борьбы с ним и безопасное небрежение о догматах евангельских. А если это невозможно, спешి обучиться ратоборству с ним, в Писании изучая ратоборное искусство, чтобы тебя, побежденного им по незнанию, не предали вечному огню. И это как бы мимоходом да будет сказано тем, которые в супружеской жизни без опасения пренебрегают сохранением Христовых заповедей.

А ты, любитель небесных уставов, ревнитель ангельского жития, желающий стать соратником святых учеников Христовых, укрепи себя к претерпению скорбей, мужественно приступи к собору монахов и в самом начале своего отречения будь тверд, чтобы не увлекла тебя привязанность к сродникам по плоти, причем укрепляй и себя обменом смертного на бессмертное. А когда самым делом оставляешь собственность свою, будь непреклонен, в несомненной уверенности, что предпосылаешь это на небо, скрывая в недрах убогих и обретая у Бога с великим приращением. Разрывая связь с друзьями и близкими, не будь прискорбен, потому что сопрягаешься со Христом, за тебя распявшимся; а такого дружества можешь ли представить себе что выше?

Когда же при Божиим содействии победишь врага своего в этой первой борьбе, не бросай себя, подобно какому-нибудь негодному сосуду. Ибо отречением от земных вещей ты украсил уже себя пред Христом. Но с великою заботливостью и обдуманностью постарайся найти мужа, который бы непогрешительно предшествовал тебе в образе жизни, хорошо умел руководить шествующих к Богу, украшен был добродетелями, в собственных делах своих имел свидетельство любви своей к Богу, был сведущ в Божественных Писаниях, не рассеян, не сребролюбив, не озабочен многим, безмолвен, боголюбив, нищелюбив, не гневлив, не памятозlobен, силен в назидании сближающихся с ним, не тщеславен, не высокомерен, не льстив, не изменчив, ничего не предпочитал Богу. И если найдешь такого, предай ему себя, ни во что вменив и отринув прочь всякую свою волю, чтобы ты оказался подобным чистому сосуду, храня к своей похвале и славе влагаемое в тебя добро. А если оставишь в себе какую-нибудь из прежде бывших в тебе страстей, то, и добро, вложенное в тебя, претворив в уксус, будешь изринут вон, как негодный сосуд.

Это вторая борьба с противником нашего спасения. Ибо у добрых учителей и уроки добрые, а у злых, конечно, злые. Когда лукавый наш противоборник не в силах убедить нас, чтобы оставались в мирском смятении и погибели, спешит он убедить, чтобы не предавали себя строгой жизни или такому мужу, который все грехи наши выводит нам пред взоры и исправляет их, но чтобы вверились кому-нибудь из страстных славолюбцев, удовлетворяющему собственные свои страсти под предлогом снисхождения к живущим с ним вместе, чтобы таким образом, незаметно соделав нас опять многострастными, опутать нас собственными узами греха. А если поручишь себя мужу, украшенному многими доблестями, то сделаешься наследником благ, какие в нем, и будешь весьма блажен пред Богом и пред людьми. Но если, щадя тело свое, отыщешь учителя снисходительного к страстям твоим, или, лучше сказать, вместе с тобою падающего, то напрасно ты вступал в подвиг отречения от мира, потому что предался страстной жизни, взял себе слепого вождя и приближаешься к яме. Ибо слепец слепца еще водит, оба в яму впадут, довлеет бо ученику, да будет яко учитель его (Мф. 15, 14; 10, 25). Это Божие слово, и оно не погрешит; тебе должно жить по закону подвижническому, в противном случае не будешь и увенчанным, как сказал Апостол: Еще и подвизается кто, не венчается, еще не законно подвизаться будет (2 Тим. 2, 5).

Поэтому, если по благодати Божией найдешь (а поискав, непременно найдешь) учителя добрых дел, наблюдай за собою, чтобы не делать тебе ничего вопреки воле учителя. Ибо все,

что делается без него, есть некое хищение и святотатство, ведущее к смерти, а не к пользе, хотя бы казалось тебе добрым. Ибо если оно доброе, то почему делается тайно, а не въявь? Допроси помысл свой, который чрез правые дела доводит тебя до кражи и по-видимому добрыми преслушаниями приготавливает тебе дела неправые. Не желай производить заклинаний над зверями, будучи неопытен в заклинании, чтобы, созвав к себе змей, когда обовьют тебя, а ты не будешь в состоянии сопротивляться им, самому не быть нещадно ими истребленным. Не опирайся на благородство плоти и не ищи чести, потому что плотской не приемлет яже Духа (1 Кор. 2, 14).

Не покушайся изменять что-либо в уставах доброй жизни и собственным своим своеволием делать преткновение подвизающимся, а себе самому собирать бремя грехов: не делай сего ни в постели, более мягкой, ни в одеждах, или в обуви, или в другой какой принадлежности, или в перемене снедей, или в столе, не соответствующем времени твоего отшельничества, или в стоянии, или в рукоделии более покойном и опрятном. Ибо все это не только когда у тебя уже есть оно, но и когда составляет предмет твоего искания, не будет иметь доброго следствия. А если не познаешь скоро в этом диавольского коварства и не отсечешь сего от своего сердца, то уготовишь себе отпадение от жизни во Христе. Напротив того, положив в сердце своем, что ты бесчестнее и грешнее всех людей, что ты странник и пришлец, из жалости принят отрехшимися от мира прежде тебя, спешి быть последним из всех и всем рабом. Последнее принесет тебе честь и истинную славу, а не первое.

Имей уши, отверстые к послушанию, и руки, готовые исполнять слышанное, уста имей молчаливые и сердце осмотрительное. Будь ленив к празднословию, а благоразумен и сведущ в спасительном слышании Божественных Писаний. Да будет тебе горьким вкушением слышание мирских рассказов и сотами меда беседа мужей преподобных. Спеши в подражании тем, которые прежде тебя подвизались в доброй нравственности, и не берись сам обучать каждого. Употреби старание успевать в важнейших добродетелях и не вознерадеть о меньших. Не пренебрегай никакою погрешностью, хотя бы она была менее всякого зловредного животного, но поспеши исправить ее покаянием, хотя многие многократно погрешают в большом и малом и остаются нераскаянными.

Не будь судьей чужих падений. У них есть Судия праведный, Иже воздаст коемуждо по делом его (Рим. 2, 6). Ты наблюдай за своим и, сколько есть сил, облегчай свое бремя. Отягощающий бремя свое, сам и понесет его. В покаянии - спасение, а неразумие - смерть покаяния.

Скрывай себя от людей суетных, обнаруживай же себя всего чаще пред Богом. Сколько от тебя зависит, уклоняйся от всякого выхода в общество, избегая рассеянности сердца. Только вышел ты из келии, оставляешь уже воздержность, погружаешься в мир, встречаешь жену-блудницу, которая, очаровав твой слух обольстительными словами, твои взоры - красотою лица, твой вкус - лакомствами и яствами, как бы на уде, приведет к себе. Потом, прижимаясь к тебе и заключая в свои объятия, ослабит в тебе постоянство любви к воздержанию, и таким образом постепенно отвлекши от добродетельной жизни, развратит собой. А если при Божией помощи и сможешь избежать ее сетей, то хотя возвратишься в келию, однако уже не таким, каким вышел, но расслабленным и болезненным, не расположенным ни к какому добродетельному делу и только по истечении долгого времени способным возвратиться к свойственному тебе навыку. Тебя будет беспокоить в помыслах желание той и другой жизни, и со многим только трудом в состоянии будешь уступить победу душе. Поэтому если случится тебе по какому-нибудь обстоятельству выйти из келии, то, облекшись в броню страха Божия, утвердив на руке, подобно щиту, любовь Христову и воздержанием во всем преодолев приражения похотей, тотчас по исправлении нужды иди назад, нимало не замедляя, но на быстрых крыльях возвращаясь, подобно невинной голубице спасаясь в ковчег, из которого ты послан, и неся в устах милости Христовы, и таким образом убеждая внутренние свои помыслы, что на всяком другом месте недоступно для тебя спасительное упокоение.

Если ты юн по плоти или по разуму, удаляйся короткого обращения со сверстниками и бегай от них, как от пламени. Ибо враг, воспалив чрез них многих, предал их вечному огню,

под видом духовной любви низринув в гнусную пропасть обитателей Пятиградия (То есть Содома, Гоморры, Адамы, Севоима и Валаки (Быт. 14, 2), из которых последний по молитве Лота спасся от истребления и наименован Сигором (Быт. 19).), и тех, которые спаслись среди моря при всех ветрах и бурях, когда ни о чем не беспокоились внутри пристани, погрузил в глубину с ладьей и пловцами. Когда садишься, садись гораздо дальше от сверстного с тобою; когда ложишься спать, одеяние твое да не сближается с его одеянием, но лучше пусть будет между вами старец. А когда говорит он с тобою или поет, стоя напротив тебя, отвечай ему, поникши взором долу, чтобы тебе, останавливая взор свой на лицах, не принять в себя семени похотения от врага и сеятеля зла и не пожать снопов растления и гибели. В доме или на всяком месте, где никто не видит дел ваших, не оставайся с ним ни под предлогом рассуждения о Божием слове, ни под предлогом другой какой-нибудь даже самой необходимой потребности, ибо всего нужнее душа, за которую умер Христос. Не верь обманчивому помыслу, который подсказывает тебе, что это нимало не соблазнительно, несомненно зная, что сие самое и есть соблазн, как ясно тебе будет доказано многократным опытом падших. Поверь словам моим, происходящим от братолюбивого сердца. Прибегай к суровым старцам, которые приточными словами умащают юношей к делам похвальным, но не делают никакого вреда своею наружностью.

Всяцем хранением блюди твое сердце (Притч. 4, 23). Как тати день и ночь непрерывно подбираются к золоту и похищают нечаянно, когда не знаешь, так смотри, чтобы враг не обольстил тебя грехом прародительским и не изгнал вскоре из рая сладости. Ибо тот, кто хищением снеди отвлек Адама от жизни, надеялся запнуть и Иисуса, тем паче не постыдился и тебе подмешать этой первой причины зол, зная, какой это сильный яд, потому что страсть чревоугодия обыкновенно обнаруживает свою силу не в множестве яств, но в пожелании и малом вкушении. Поэтому если пожелание вкушать что-либо малое будет так сильно, что ввергнет в страсть чревоугодия, то оно без труда предаст тебя смерти. Как вода, разделяемая на многие протоки, делает, что зеленеют все места, лежащие около протоков, так и страсть чревоугодия, если разлилась в твоём сердце, напоив все твои чувства и насадив в тебе лес пороков, обратит душу твою в жилище зверей.

Видел я, что многие, одержимые страстями, исцелялись, но не видел между ними ни одного, привыкшего есть тайно от других или чревоугодника; напротив того, все такие люди или оставляли воздержную жизнь и развращались миром, или пытались укрыться между воздержными и сластолюбием оказывали услуги диаволу. Ибо это - лжецы, люди много клянущиеся, клятвопреступные, любящие прекословить, мстить, кричать, запирающиеся в том, что едят, скупые, роскошные в пище, жалующиеся на свою участь, любопытные, радующиеся делам темным и охотно противодействующие всякому похвальному образу жизни. Чтобы прикрыть страсть чревоугодия, впадают они во множество зол. Такие люди хотя по наружности в числе спасаемых, но по делам - в числе осужденных.

Чревоугодие Адама предало смерти и причинило миру гибель. Из-за чревоугодия Ной осмеян, Хам проклят, Исав лишился прав первородства и породнился с хананеями, Лот стал мужем дочерей, а самому себе зятем и тестем, отец - мужем и дед - отцом, в обоих отношениях нарушая пределы естества. Чревоугодие и Израиля сделало поклонником идола и довело израильтян до того, что тела их пали в пустыни (Чис. 14, 29). Чревоугодие и одного из пророков, посланного Богом для обличения нечестивого царя, сделало снедью дикого зверя. И кому не мог отомстить за себя царь Иеровоам, при всем царском могуществе, тот, уловленный обольщением чрева, подвергся жалкой смерти (3 Цар. 13, 23-24).

А Даниил, муж желаний, преодолев чрево, повелевал в царстве халдейском, соделавшись низложителем идолов, истребителем змия, наставником львов, предсказателем Божия вочеловечения, истолкователем сокровенных тайн. Три святые отрока, оказавшись выше удовольствий чрева, презрели царский гнев и бестрепетно дерзнули войти в страшную горящую печь, какую только мог разжечь царь Навуходоносор, обнаружили ничтожность обоготворенного златого образа и тот образ, который долгое время к поруганию Божией славы сооружал сатана, получив в добычу, принесли собственному Владыке, заставили

самого враждебнейшего царя и все богопротивное воинство со всею тварью песнословить Бога.

И, скажу кратко, если будешь владеть чревом, то станешь обитать в раю, а если не овладеешь им, то сделаешься добычей смерти. Будь верною сокровищницею добродетелей, а ключом имей язык духовного твоего отца. Он пусть отверзает уста твои для принятия хлеба, он пусть и замыкает. Не бери в советники змия, который вместо ключа хочет уловить тебя советом попробовать что-либо хотя бы только языком. Остерегайся греха тайноядения. Если он сможет совратить тебя в малом, то низложит уже совершенно и будет держать в узах.

Не подставляй ушей всякому разглагольствующему и не отвечай всякому говоруну в беседах, не соответственных цели твоего подвижничества. Будь слушателем добрых поучений и размышлением о них храни свое сердце. Береги свой слух от мирских рассказов, чтобы не замарать души своей брызгами грязи. Не старайся вслушиваться, что говорят другие, и не вкладывай головы своей в середину беседующих, чтобы и самому тебе не быть осмеянным, и их не сделать злоречивыми. Не будь любопытен и не желай все видеть, чтобы не удержать тебе в сердце своем гноя страстей. По мере надобности смотри, по мере надобности слушай, по мере надобности говори, по мере надобности отвечай.

Перед высшим не вдруг осмеливайся садиться, а если пригласят, то не садись рядом, но, осмотревшись кругом, старайся найти низшее место, чтобы Бог прославил тебя за смирение. Спрашивают тебя - отвечай пристойным и смиренным голосом, а не спрашивают - храни молчание. Когда спрашивают другого, сожми уста твои, чтобы язык твой, понуждаемый опрометчивым сердцем, прорвавшись, не поразил кого из строгих в подвижничестве и самого тебя не вверг в узы укоризн. Сидя, не клади одной ноги на другую: это знак невнимательности и души рассеянной.

Если разговариваешь с низшим себя или он тебя о чем спрашивает, не давай ему ответов небрежно, презирая брата в оскорбление Богу. Ибо ругаясь убогому раздражает Сотворшаго его (Притч. 17, 5),- говорит притча. Слово утешения да предшествует прочим речам твоим, подтверждая любовь твою к ближнему. Предлагай его и в середине, и в конце разговора, с светлым лицом, чтобы доставить услаждение твоему собеседнику. При всяком успехе ближнего своего веселись и прославляй Бога, потому что его успехи суть твои, а твои его. В собраниях избегай преждевозлеганий и преждеседаний (Мф. 23, 6), ищи себе последнего места, чтобы услышать лучше: друже, посяди выше (Лк. 14, 10). За трапезою левая рука твоя да не бесчинствует и да не берет преимущества у правой, а лучше пусть остается в покое; в противном же случае, по крайней мере, пусть помогает правой.

Пусть уста твои предваряют приглашение тебя ко всякой молитве, и до последней молитвы будь на правиле, почитая великим ущербом оставить молитву. Ибо если, вкушая пищу для подкрепления своей плоти, останешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности и без большой необходимости не легко выйдешь из-за стола, то не тем ли паче должен ты до конца оставаться во время духовного питания и укреплять молитвою твою душу? Ибо насколько отличается небо от земли, небесное от земного, настолько же отличается душа от тела. Душа - подобие неба, потому что в ней обитает Господь; а плоть - от земли, на которой обитают смертные люди и бессловесные животные. Поэтому нужды телесные соразмеряй с часами молитв и приготовься не слушать помысла, который отвлекает тебя от правила. Ибо у демонов в обычае - в часы молитвы под предлогом благовидной якобы причины побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от спасительной молитвы. Не говори в извинение: "У меня болит голова, болит чрево", представляя неизвестных свидетелей небывалой болезни и ради упокоения ослабляя усердие к бдению. Напротив того, совершай еще и тайные молитвы, которые Бог видит в тайне, а воздаст тебе яве (Мф. 6, 6).

Собирай прибыток совершенного жития, чтобы найти богатство сокрытое в день нужды. На чредах своего служения к труду телесному присоединяй и слово утешения, во свидетельство любви к тем, кому служишь, чтобы служение свое, растворенное солию (Кол. 4, 6), соделать тебе благоприятным. Не позволяй другому исполнять дел, на тебе лежащих,

чтобы и награда не была отнята у тебя и отдана другому и чтобы другой не прославился твоим богатством к твоему унижению.

Дела служения своего исполняй благообразно и тщательно, как служащий Христу. Ибо сказано: Проклят всяк творяй дела Господня с небрежением (Иер. 48, 10). Хотя бы поручаемые тебе службы казались низкими, бойся злоупотребления, допуская превозношение и презрение, потому что за тобою надзирает Бог. Дело служения велико и может доставить тебе Царство Небесное. Это мрежа добродетелей, влекущая к себе все заповеди Божии и, во-первых, превосходнейшую из всех добродетелей - смирение, которое приносит с собою целый рой благ; а потом и сие: "Взалкался, и дасте Ми ясти, возжадался, и напоисте Мя, был странен, и болен, и в темнице, и вы послужили Мне" (Мф. 25, 35-36), и особенно, когда требуемое должностью исполняется со смиренным о себе мнением, без превозношения, гнева и ропота.

Будь сореовнователем живущих право и дела их запиши у себя в сердце. Желай быть в числе немногих, потому что добро редко, почему не многие входят в Царство Небесное. Не думай, что спасутся все, живущие в келии, и добрые, и худые. На деле не то. Многие приступают к похвальной жизни, но не многие принимают иго ее. Ибо Царство Небесное принадлежит употребляющим принуждение и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). Это - евангельское слово. Оно назвало принуждением изнурение тела, какое ученики Христовы терпят добровольно, в отречении от собственных своих хотений и от телесного упокоения, в хранении же всех заповедей Христовых. Поэтому, если хочешь восхитить Царствие Божие, употреби принуждение, подклони выю свою под иго служения Христова, стяни ярем на выи своей; пусть гнетет он выю твою, истончай ее трудом добродетелей, в постах, в бдениях, в послушании, в безмолвии, в псалмопениях, в молитвах, в слезах, в рукоделии, в перенесении всякой скорби, наносимой тебе демонами и людьми. Да не внушает тебе высокоумудренный помысл ослабить со временем труды, чтобы пред дверьми исшествия не застали тебя обнаженным от добродетелей и чтобы не остаться тебе вне врат Царствия.

Да не надмеваает тебя степень церковного чина, но более да смиряет, ибо преуспеяние души - преуспеяние в смирении, а лишение и бесчестие рождаются от высокоумудрия. В какой мере будешь приближаться к высшим священным степеням, в такой мере смирай себя, боясь примера сынов Аароновых. Познание богочестия - познание смирения и кротости. Смирение - подражание Христу, а превозношение, вольномыслие и бесстыдство - подражание диаволу. Будь подражателем Христу, а не антихристу; Богу, а не противнику Божию; Владыке, а не рабу-беглецу; милостивому, а не жестокому; Человеколюбцу, а не человеконенавистнику; жителям брачного чертога, а не тьмы. Не спеши давать приказы братству, чтобы не возложить тебе на выю свою чужого бремени грехов.

Рассматривая делание каждого дня, сравнивай его с деланием предшествующего и поспешай к исправлению. Преуспевай в добродетелях, чтобы стать ближе к Ангелам. Оставайся в келии не дни, не месяцы, но в продолжение многих лет, воспевая своего Владыку день и ночь, подражая Херувимам. Если так начнешь, так и окончишь, и идя путем тесным в короткое время своего подвижничества по благодати Божией войдешь в рай с сияющим светильником души, радуясь со Христом во веки. Аминь.

Слово о подвижничестве первое

Монаху должно прежде всего стяжать жизнь нестяжательную, телесное уединение, благоприличную наружность, голос умеренный и слово благочинное; пищу и питье принимать бесшумно и сдержанно; при старших молчать, мудрых слушать, к равным иметь любовь, низшим подавать исполненный любви совет; удаляться людей негодных, плотских и суетных; больше думать, а меньше говорить, не быть дерзким в слове, не допускать излишеств в разговорах, не быть смешливым, но украшаться стыдливостью, взор потуплять долу, а душу возносить горе, на прекословия не отвечать прекословием; быть благопокорну; трудиться своими руками; всегда памятовать о последних, с надеждою радоваться, скорби терпеть, непрестанно молиться, о всем благодарить; пред всеми быть смиренным,

ненавидеть высокомерие; быть трезвенным и охранять сердце от лукавых помыслов; чрез исполнение заповедей собирать себе сокровище на небе; делать себе испытание в ежедневных помышлениях и поступках; не вдаваться в житейские заботы и излишние беседы; не любопытствовать о жизни людей беспечных, но соревновать только жизни святых отцов; сорадоваться, а не завидовать преуспевающим в добродетели; сострадать страждущим, плакать с ними и весьма сетовать о них, но не обвинять их; не делать упреков отвращающемуся от греха и никогда не оправдывать самого себя, признавать себя паче всех грешных пред Богом и пред людьми; вразумлять бесчинных, утешать малодушных, прислуживать недужным, омыwać ноги святым, заботиться о странноприимстве и братолюбии; с единовверными быть в мире, а человека еретика отвращаться; книги общепринятые читать, а отреченных вовсе не брать в руки; об Отце, Сыне и Святом Духе не совопросничать, но с дерзновением говорить и мыслить о несозданной и единосущной Троице и спрашивающим отвечать, что должно креститься, как приняли, и веровать, как крестились, и прославлять, как уверовали; и делать, и говорить хорошее; вовсе не клясться; не давать ни серебра в рост, ни хлеба и вина и елей в приращение; воздерживаться от жизни разгульной, и от пьянства, и от забот житейских; не обходиться ни с кем коварно, даже вовсе не говорить ни о ком худо, не оговаривать, ни даже вообще слушать с приятностью оговоры, не скоро верить тому, что говорят на кого; не отдаваться во власть раздражительности; не покоряться пожеланию; не гневаться на ближнего понапрасну, не держать ни на кого неудовольствия, не воздавать злом за зло, лучше быть хулимым, нежели хулить, быть битым, нежели бить, стерпеть обиду, нежели обидеть, понести лишение, нежели другого лишить чего.

А паче всего монаху надобно воздерживаться от свидания с женщинами и от питья вина, потому что вино и жены превратят разумных (Сир. 19, 2), и исполняя по возможности заповеди Господа, не приходить в уныние, но ожидать от Него mzды и похвалы; желать наслаждения вечной жизни и иметь всегда пред очами Давидово изречение и говорить: Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8); как сыну, всем сердцем, всей крепостью и мыслию, и силою любить Бога, а как рабу, благоговеть пред Ним, бояться Его и повиноваться Ему; со страхом и трепетом соделывать спасение свое, гореть духом, быть облеченным во всеоружие Святаго Духа, тещи не безвестно и подвизаться, не яко воздух бия (1 Кор. 9, 26): поборать врага в немощи тела и нищете душевной; творить все заповеданное и называть себя неключимым; благодарить святого, славного и страшного Бога; ничего не делать по рвению и тщеславию, но ради Бога и в угодность Ему, яко Бог разсыпа кости человекоугодников (Пс. 52, 6); вовсе не хвалиться, не говорить самому себе похвал и не слушать с приятностью, когда хвалит другой; служить всегда втайне и напоказ людям не делать, но искать похвалы только у Бога и помышлять о страшном и славном Его пришествии, об исшествии отсюда, о благах, уготованных праведным, подобно и об огне, уготованном диаволу и аггелам его; а сверх всего этого памятовать апостольское изречение: яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас (Рим. 8, 18) и наперед говорить с Давидом: хранящим заповеди Его воздаяние много (Пс. 18, 12), великая награда, венцы правды, вечные сени, нескончаемая жизнь, неизглаголанная радость, неразоряемая обитель на небесах у Отца и Сына и Святаго Духа - истинного Бога, откровение лицом к лицу, ликование с Ангелами, с отцами, с патриархами, с Пророками, с Апостолами и мучениками, и исповедниками, и с благоугодившими Богу от века, обрестись с которыми потщимся и мы по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Слово о подвижничестве второе

Человек сотворен по образу и по подобию Божию, а грех, увлекая душу в страстные пожелания, искажил красоту образа. Но Бог, сотворивший человека, есть истинная жизнь; потому, кто утратил подобие Божие, тот утратил и общение с жизнью, а кто вне Бога, тому невозможно быть в блаженной жизни. Итак, возвратимся к первоначальной благодати,

которой отчуждились мы чрез грех, и снова украсим себя по образу Божию, бесстрашием уподобившись Творцу. Ибо кто в подражании сам, насколько возможно, достиг бесстрашия Божия естества, тот и в душе своей восстановил образ Божий. А кто уподобился Богу указанным способом, тот, без сомнения, приобрел и подобие Божией жизни, постоянно пребывая в вечном блаженстве. Поэтому если бесстрашием снова восстанавливаем в себе образ Божий, а уподобление Богу дарует нам непрекращающуюся жизнь, то, вознерадев о всем прочем, употребим попечение свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакой страстью, а мысль наша в приражениях искушений оставалась непреклонною и непоколебимою и чтобы чрез то соделались мы причастниками Божия блаженства.

Но пособником в таком попечении служит девство - у тех, которые разумно притекают к сему дарованию. Ибо дарование девства заключается не в одном только воздержании от деторождения, но вся жизнь, и быт, и нрав должны быть девственны, во всяком занятии безбрачного показывая нерастленность. Можно и словом соблудить, и оком прелюбодействовать, и слухом оскверниться, и в сердце принять нечистоту, и неумеренностью в пище и питии преступить пределы целомудрия. А кто чрез воздержание во всем этом соблюдает себя под законом девства, тот действительно показывает в себе совершенную и во всем преуспевшую благодать девства.

Посему если желаем, чтобы облик души нашей по Божию подобию украсился бесстрашием, а чрез сие приобрели мы и вечную жизнь, то будем внимать себе, чтобы, поступая в чем-нибудь недостойно обета, не подпасть одному суду с Ананиею. Ибо Анании вначале можно было не обещать имения своего Богу. Но поелику, имея в виду славу человеческую, в обете посвятил уже свое имение Богу, чтобы удивить людей щедростью, а цену утаил, то возбудил на себя такой гнев Господень (служителем же его был Петр), что не обрел даже двери покаяния. Посему, не дав еще обета строгой жизни, можно желающему, согласно с дозволением и законом, вступать в житейские связи, предаваться брачному союзу. Но кто произнес уже свой обет, тому надобно соблюдать себя для Бога, как одно из священных приношений, чтобы тело, посвященное Богу обетом, осквернив опять служением обыкновенной жизни, не подпасть суду за святотатство.

Говорю же это, имея ввиду не один род страсти (как думают некоторые, поставляя подвиг девства в одном хранении тела), но страстные расположения всякого рода, чтобы намеревающийся соблюдать себя для Бога не осквернил себя никаким мирским пристрашием. Гнева, зависти, памятозлобия, лжи, гордости, парения мыслей, разговоров не вовремя, лености в молитве, пожелания иметь, чего нет, нерадения о заповедях, нарядных одежд, украшений лица, собраний и бесед, противных приличию и ненужных,- всего этого столько нужно остерегаться посвятившему себя Богу обетом девства, что ему равно почти опасно как пребывать в грехе, от которого он отрекся, так и предаваться чему-либо одному из сказанного. Ибо все, делаемое по страсти, вредит некоторым образом душевной чистоте и препятствует божественной жизни. Поэтому отрекшийся от мира должен то иметь в виду, чтобы себя, Божий сосуд, не осквернять никаким страстным употреблением.

Особенно же надобно ему рассудить, что он, избравши жизнь ангельскую, преступив меры естества человеческого, подчинил уже себя уставам жития бесплотных. Ибо ангельскому естеству свойственно быть свободным от брачного союза, не развлекаться никакою другою красотою, но непрестанно взирать на лицо Божие. Посему вступивший в ангельский чин, если оскверняется человеческими страстями, подобен коже рыси, у которой шерсть не совершенно бела и не вовсе черна, но испещрена смесью разных цветов и не причисляется ни к черным, ни к белым.

Это пусть будет некоторым общим правилом для избравших жизнь воздержную и чистую. Поелику же надобно подробно разобрать и частные случаи, то необходимо и о них оставить краткое напоминание.

Удалившиеся от жизни обыкновенной и подвизающиеся для жизни божественной пусть подвизаются не сами по себе и не поодиночке. Ибо для таковой жизни нужно засвидетельствование, чтобы избыть ей лукавого подозрения. И как закон духовный требует, чтобы вкушающих таинственную пасху было не менее десяти (См.: Иосиф Флавий.

Иудейская война. Кн. 6. Гл. 9, 3.), так и здесь надобно, чтобы лучше увеличивалась, нежели уменьшалась десятерица совокупно подвизающихся в духовной жизни.

Началовождем в благообразии жизни да будет поставлен один, избранный из прочих по испытании его жизни, нравов и благоустроенного во всем поведении и по принятии во внимание при этом предпочтении лет его жизни. Ибо в естестве человеческом что старее, то и почтеннее. И он над братством, добровольно повинующимся из одной благопокорности и смиренномудрия, да имеет такую власть, чтобы никому в этом обществе не дозволялось противиться воле его, когда приказывает что-нибудь клонящееся к благообразию и строгости жизни. Но, как говорит Апостол, что не должно противиться от Бога учиненным властям, ибо осуждаются противящиеся Божью повелению (Рим. 13, 1-2), так и здесь прочее братство должно иметь убеждение, что не случайно, но по Божью изволению дана настоятелю такая власть, чтобы преспеяние по Богу совершалось беспрепятственно, когда один предлагает все душе полезное и пригодное, а прочие с благопокорностью принимают благие советы.

Поелику же надобно, чтобы общество было совершенно благопокорно и подчинено настоятелю, то прежде всего необходимо избрать такого вождя для сего жития, чтобы жизнь его для взирающих на него была образцом всего доброго и чтобы он, как говорит Апостол, был трезвенным, целомудренным, честным, учительным (1 Тим. 3, 2). И мне кажется, что надобно испытать жизнь его не в том одном отношении, старее ли он летами - ибо при седине и морщинах можно иметь юные нравы,- но преимущественно в том отношении, убелены ли его нрав и поведение благолепием, чтобы все, что он ни говорит и ни делает, могло быть для общества вместо закона и правила.

Проходящим же подобную жизнь прилично придумать такой способ пропитания, какой предлагает Апостол, да своими руками делающе, благообразно свой хлеб ядят (2 Сол. 3, 12). А работа их должна быть в распоряжении какого-нибудь старца, засвидетельствованного по честности жизни, который распределит дела рук их на нужные потребности, чтобы исполнялась и заповедь, повелевающая в поте и труде добывать пищу (Быт. 3, 19), и благопристойность их поведения оставалась безукоризненною и безупречною, когда не будет им никакой нужды показываться в народе ради жизненных потребностей.

А самым лучшим пределом и правилом воздержания пусть будет следующее: не стремиться ни к неге, ни к злостраданию плоти, но избегать неумеренности и в том, и в другом, чтобы плоть, утучнев, не мятежничала, а став болезненною, не лишилась сил к исполнению заповедей. Ибо равный вред душе в обоих случаях - и когда плоть не покорна и от избытка здоровья предается неистовым порывам, и когда от недугов изнурена, расслаблена и неподвижна, потому что душа при таком состоянии тела не имеет времени свободно возводить взоры гор!е, но по всей необходимости бывает занята ощущением боли и ослабевает, подавляемая злостраданием тела.

Поэтому употребление пусть будет соразмерно потребности: и вином гнушаться не должно, если принимают его для врачевания, и не должно домогаться его без нужды; равно и все прочее пусть служит потребностям, а не прихотям подвизающихся.

Вся жизнь да будет лучше временем молитвы. Но поелику напряженности псалмопения и коленопреклонения надобно давать отдых некоторыми перерывами, то должно соображаться с часами, которые определены для молитвы святыми. Так великий Давид говорит: Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя (Пс. 118, 62). А ему, как видим, последуя, Павел и Сила в полунощи хвалят Бога в темнице (Деян. 16, 25). Потом тот же Пророк говорит: Вечер и завтра и полудне (Пс. 54, 18). Но и пришествие Духа Святаго совершается в третий час, как знаем из Деяний, когда фарисеям, которые смеялись над учениками за разнообразное действие языков, Петр говорит, что не пьяни глаголющие сие: есть бо час третий (Деян. 2, 15). Девятый час напоминает страдание Господне, совершавшееся нашей ради жизни. Но поелику Давид говорит: Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоя (Пс. 118, 164), а упомянутые времена молитвы не наполняют собою седмичного числа молитв, то полуденную молитву надобно разделить на молитву пред принятием пищи и на молитву по принятии оной, чтобы и нам при каждом круговращении дня служило образцом сие правило: седмерицею днем хвалить Бога.

В обители подвижников да заключены будут входы женщинам, и мужчины не все пусть входят, а разве кому дозволен вход настоятелем, потому что без разбора входящие нередко оставляют в сердцах ряд неблагоприятных речей и бесполезных рассказов, а с пустыми словами влагают суетные и бесполезные мысли. И потому пусть будет общий закон, чтобы входящие, о чем необходимо надобно быть слову, спрашивали одного настоятеля и от него получали ответы, а прочие не отвечали бы любителям суетных бесед, чтобы не увлечься в ряд праздных слов.

У всех пусть будет одна общая кладовая, и ничто да не называется чьею-нибудь собственностью: ни одежда, ни обувь, ни другое что, служащее к необходимой потребности тела. А употребление пусть будет во власти настоятеля, чтобы по его распоряжению каждый, что ему прилично, тем и пользовался из общего.

Но в этом общежитии закон любви не дозволяет частных содружеств и товариществ. Ибо частные пристрастия, по всей необходимости, много вредят общему согласию. А теперь надобно, чтобы все смотрели друг на друга с равномерным расположением и чтобы всем обществом владела одна мера любви. Если же найдется кто, под каким-нибудь предлогом расположенный с большею любовью к монаху-брату, или родственнику, или к кому другому, то да уцеломудрится, как делающий обиду обществу. Ибо избыток расположения к одному лицу обличает великое оскудение любви к другим.

А наказания осужденному в каком-либо прегрешении да будут по мере греха таковы: воспрещение стоять вместе с другими при псалмопении, недопущение к общению в молитве, удаление от вкушения пищи. Причем по важности проступка наказание согрешающему определит поставленный наблюдать за общим благочинием.

Прислуживание общему собору да будет поочередно, и пусть двое попеременно в продолжение одной недели имеют все попечение, требуемое нуждою, чтобы и награда за смиренномудрие была общая и никому невозможно было даже и в прекрасном иметь преимущество пред братством, чтобы и отдохновение давалось всем равно. Ибо попеременное утомление и отдохновение делают труд нечувствительным для трудящихся.

Настоятель обители имеет власть по усмотрению дозволять необходимые выходы, а кому полезно, приказывает заниматься домашними делами и оставаться дома. Ибо нередко в юном теле при всем усилии изнурять его воздержанием никак не увядает доброцветность возраста, и для встречных делается сие поводом к страсти. Поэтому если кто по цвету тела представляется молодым, то да не показывает такого благообразия, скрывая до тех пор, пока наружность не придет в приличное состояние.

Ничто да не будет в них признаком гнева, или памятозлобия, или зависти, или упорства: ни вид, ни движение, ни слово, ни пристальный взгляд, ни выражение лица, или что еще обыкновенно возбуждает ко гневу живущих вместе с другими. Если же кто впадет во что-либо подобное, то к извинению прегрешения, в каком он пребывает, недостаточно того, что сам он потерпел прежде нечто оскорбительное, потому что худое, в какое бы время ни отваживались на него, равно худо.

Всякая клятва да будет изгнана из общества подвижников; вместо же клятвы и говорящим, и слушающим да приемлется помавание головой или согласие, подтвержденное словом. Если же кто не поверит простому подтверждению, то произнесет обличение собственной совести, что не достиг еще нелживости в слове, и за это настоятель включит его в число согрешивших и уцеломудрит врачующим наказанием.

По прошествии дня и по приведении к концу всякого дела, телесного и духовного, прежде упокоения совесть каждого должна быть подвергнута испытанию собственного его сердца. И если что было противное долгу - или помышление о запрещенном, или слово неприличное, или леность к молитве, или нерадение к псалмопению, или пожелание мирской жизни, - да не скрывается проступок, но да будет объявлен обществу, чтобы немощь увлеченного в таковое зло была уврачевана общею молитвою.

Слово о подвижничестве третье

Подвижническая жизнь имеет одну цель - спасение души, и поэтому все, что может содействовать сему намерению, должно соблюдать со страхом как Божественную заповедь, потому что и самые заповеди Божии не что иное имеют в виду, как спасение послушного им.

Посему как входящие в баню обнажаются от всякого одеяния, так и приступающим к подвижнической жизни надобно, обнажившись от всякой житейской вещественности, вести жизнь любомудрую. Первое, о чем более всего должно заботиться христианину, это - обнажиться от разнородных и различных порочных наклонностей, которыми оскверняется душа, а стремящемуся к высокой жизни сверх предыдущего надо выполнить отречение от имущества, потому что забота и попечение о вещественном производят великое развлечение в душе.

Посему, когда многие, имея ввиду ту же цель спасения, вступают в общежитие друг с другом, надобно прежде всего в них утвердить, чтобы у всех были одно сердце, одна воля, одно вожеление и, как заповедует Апостол, вся полнота собрания была одним телом, составленным из различных членов (1 Кор. 12, 12). А в сем не иначе можно преуспеть, разве когда превозможет обычай - ничего не называть чьею-либо собственностью: ни одежды, ни сосуда, ни чего другого из употребительного в общей жизни, чтобы каждая такая вещь служила потребности, а не владеющему ею. И как большому телу не прилична малая одежда, или малому большая, но соразмерная каждому и полезна, и прилична ему, так и все прочее: ложе, постель, теплая одежда, обувь должны принадлежать тому, для кого очень нужны, а не тому, кто владеет ими. Ибо как врачевством пользуется раненый, а не здоровый, так и тем, что придумано к упокоению тела, наслаждается не роскошествующий, но имеющий нужду в упокоении.

Поелику же нравы людей различны, и не все одинаково рассуждают о полезном, то, чтобы не было какого-либо расстройств, если каждый будет жить по своей собственной воле, такого человека, о котором засвидетельствовано, что он пред всеми отличен благоразумием, постоянством и строгостью жизни, надобно поставить в руководители другим, чтобы доброе в нем сделалось общим для всех ему подражающих. Если многие живописцы будут списывать черты одного лица, то все изображения будут сходны между собою, потому что сходны с одним лицом. Так, если многие нравы будут устремлены к подражанию нравам одного, во всех равно будет сиять добрый образ жизни. Поэтому с избранием одного останутся в бездействии все частные произволения, и с превосходнейшим будут сообразовываться все последующие, повинуюсь апостольской заповеди, которая повелевает, чтобы всякая душа властем предержавшим повиновалась, потому что противляющиеся себе грех приемлют (Рим. 13, 1-2).

А истинное и совершенное послушание подчиненных наставнику выказывается в том, чтобы не только по совету настоятеля удерживаться от несообразного, но чтобы без его воли не делать даже и похвального. Ибо воздержание и всякое злострадание тела на что-нибудь полезно; но если кто, следуя собственным стремлениям, делает себе угодное и не повинуется совету настоятеля, то прегрешение его будет важнее заслуги, потому что противляясь власти, Божию повелению противляется (Рим. 13, 2) и награда за послушание выше награды за преуспеяние в воздержании.

Любовь же друг к другу должна быть во всех так же равною и общею, как человек естественным образом имеет любовь к каждому из своих членов, в равной мере желая здравия всему телу, потому что страдание каждого члена причиняет равное беспокойство телу. Но как в нас самих хотя страдание каждого больного члена равно касается всего тела, однако же одни члены предпочтительнее других - ибо не одинаково занимаемся глазом и пальцем на ноге, хотя страдание их и равно, - так надобно, чтобы в каждом были сочувственное расположение и любезное отношение ко всем живущим в том же обществе, но почтение по справедливости будет он иметь в большей мере к тем, которые более полезны.

Но поелику все непременно обязаны любить друг друга с равномерным расположением, то оскорбительно для общества, когда находятся в нем отдельные какие-нибудь собратства и сотоварищества. Ибо любящий одного предпочтительно пред другими

обличает себя в том, что не имеет совершенной любви к другим. Посему равно должны быть изгнаны из общества и непристойная ссора, и частная расположенность, потому что от ссоры происходит вражда, а от частной дружбы и близости происходят подозрения и зависть. Ибо нарушение равенства везде бывает в унижаемых началом и предлогом зависти и неприязни. Поэтому и заповедь приняли мы от Господа подражать благости Его, сияющего солнце Свое одинаково на праведных и на неправедных (Мф. 5, 45). Как Бог всем дает возможность равно приобщаться света, так и подражатели Божии да изливают на всех общий и равночестный луч любви. Ибо где оскудевает любовь, там непременно на место ее входит ненависть. А если, как говорит Иоанн, Бог любви есть (1 Ин. 4, 16), то по всей необходимости ненависть есть диавол. Посему как имеющий любовь имеет в себе Бога, так имеющий ненависть питает в себе диавола.

Итак, надобно, чтобы любовь у всех и ко всем была равная и одинаковая, а почтение воздавалось каждому по достоинству. У людей же, так между собою сопряженных, телесное родство не будет иметь преимущества в отношении к любви. Брат ли кто кому по плоти, или сын, или дочь, единокровный не будет иметь к родственнику предпочтительно пред другими большего расположения, потому что последующий в этом природе обличает себя, что не совершенно отказался от естественных уз, но управляется еще плотию.

Неполезное же слово и безвременное рассеяние себя беседою с другими да будут запрещены. Напротив того, если что полезно к назиданию души, то о сем только и надобно говорить. Да и о самом полезном должны говорить благочинно, в приличное время, и те только лица, которым дозволено говорить. А кто низший, тот дожидайся дозволения от высшего.

Шептания же, собеседования на ухо, знаки, подаваемые мановениями, - все это да будет изгнано, потому что шептание заставляет подозревать в злословии, а знаки чрез мановения служат доказательством брату, что скрывают от него какой-нибудь худой умысел. Все же это бывает началом ненависти и подозрения. Когда же необходим будет взаимный о чем-нибудь разговор, тогда меру голоса должна определять самая потребность, и с тем, кто близко, надобно разговаривать тихим голосом, и говоря с тем, кто вдали, надобно возвысить голос. Но чтобы советуемый кому или дающий о чем приказание употреблял голос громкий и грозный, сего, как оскорбительного, да не бывает в обществе.

Выходить из обители подвижничества, кроме положенных и необходимых выходов, не позволительно.

Поелику же есть общества не мужей только, но и дев, то все доселе сказанное должно быть общим правилом для тех и других. Одно только надобно знать, что большего и преимущественнейшего благообразия требует жизнь женщин, их преуспеяние в нестяжательности, в безмолвии, в послушании, дружелюбии, строгость касательно выхода из обители, остережение от встреч, взаимное между собою расположение, избежание частных содружеств. Во всем этом с особенным тщанием должна преуспевать жизнь дев.

Та, которой вверено смотреть за благочинием, должна не того искать, что приятно сестрам, и не о том заботиться, чтобы заслужить их благосклонность, делая им угодное, но всегда соблюдать степенность, внушая к себе страх и почтение. Ибо должно ей знать, что она даст Богу отчет в общих прегрешениях против долга. И каждая из живущих в составе общества да ищет от настоятельницы не приятного, но полезного и пригодного, да не входит в исследования о том, что ей приказывают, потому что навык к сему есть обучение безначалию и следствие оно. Но как заповеди Божии приемлем без исследования, зная, что всяко Писание богодухновенно и полезно (2 Тим. 3, 16), так и сестры да принимают приказы от настоятельницы без испытания, с усердием, а не от скорби, ни от нужды (2 Кор. 9, 7), исполняя всякий совет, чтобы послушание их имело награду. Да принимают не только наставления, относящиеся к строгости жизни, но, если наставница запрещает пост, или советует принять укрепляющую пищу, или по требованию нужды приказывает что-либо другое, служащее к облегчению, всё одинаково да исполняют с уверенностью, что сказанное ею есть закон.

Если же по необходимости надобно будет переговорить о чем-нибудь нужном или с кем-нибудь из мужчин, или с имеющим попечение о деле, или с другим человеком, который может быть полезен в требуемом деле, то должна переговорить о сем настоятельница в присутствии одной или двух сестер, для которых по жизни и по летам безопасно уже иметь свидание и вести разговор с кем бы то ни было. Если же сестра сама от себя придумает что полезное, то пусть предложит настоятельнице и чрез нее скажет, что нужно сказать.

Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и в отшельничестве

Вступление

Обязав себя к любомудрию Христову, приняв такой образ мыслей, который выше житейских пожеланий, удовольствий и попечений, и озаботившись всеми мерами устранить и отдалить помысл от плотских страстей, неоднократно вел ты со мною длинные беседы, спрашивая, каким образом должно совершить начатый подвиг, нимало не покоряясь плотским вожделениям, которые чрез тело переходят и в душу? Чего, во-первых, всего более и чего затем надобно остерегаться, и о каком из совершенств ревновать, чтобы осторожностью избежать несообразного действия, а ревностью приобучить себя к деланию прекрасного? А потом пожелал ты, чтобы сделал я тебе письменное изложение своего о сем мнения. По сей-то причине и сам я решился не оставлять в небрежении твою благую ревность, но сколько можно своими советами подкрепить и утвердить ее не в той мысли, что предлагаемое слово удовлетворит предмету, но чтобы под молчанием, как бы под насыпью какою, не скрыть того, что могу сказать, а чрез это избежать суда, объявленного скрывшему талант в землю.

У людей всего чаще предлогом к вожделению мирских удовольствий бывает супружество, потому что нельзя и найти другого врожденного телесной природе вожделения, более сильного и стремительного, как вожделение в мужчинах к женскому полу или в женщинах к мужскому, чему и быть надлежит, так как оно естественным образом устремлено к рождению детей. Брак, составляя одно из главных действий природы, должен влечь и сильнейшее стремление. Да и попечений не встречается с людьми обременительнее тех, какие вдруг постигают их в супруестве, как говорит Павел: оженившийся печется о мирских (1 Кор. 7, 33), будучи обременен заботами. Ибо одинокий будет заботиться только о себе и о собственных телесных нуждах или, может быть, и пренебрежет ими, легко имея возможность убедить себя к этому. А женатый и имеющий на своем попечении детей не бывает уже господином своей воли, но принужден поступать в угоду жене и занятый попечением о детях выносит целую бездну забот, которые и перечислить потребовалось бы больше времени, нежели сколько имеем его у себя теперь.

Поэтому желающий быть свободным от мирских уз избегает супружества, как оков, а избежав его, посвящает жизнь свою Богу и дает обет чистоты, чтобы не иметь уже и права возвратиться к браку, но всеми мерами бороться с природою и с сильнейшими ее стремлениями, подвизаясь в соблюдении чистоты. Таковой, предавшись любви Божией, желая, хотя в малой мере, достигнуть Божия бесстрастия, вожделевая вкусить духовной святости, тишины, безмятежия, кротости и порождаемого ими веселья и радости, старается держать помыслы свои как можно дальше от всякой вещественной и телесной страсти, возмущающей душу, чистым же и непотемненным оком души созерцает Божественное, без меры наслаждаясь тамошним светом. А приведя душу в подобное расположение и состояние, возможным уподоблением приближается к Богу и делается Ему возлюбленным и желанным, так как, совершив великий и едва исполнимый подвиг, приходит в состояние беседовать с Богом мыслью, очищенною от вещественного срастворения и удаленною от примеси телесных страстей.

Поэтому и прилично, и с разумом сообразно, чтобы чрез упомянутое выше подвижничество достигающий подобного навыка не увлекался снова раздражениями плоти в общении страстей ее и чтобы око души, приняв на себя дыхание сих страстей, не омрачилось

как бы густой какой мглой и не смежилась для Божественного и духовного созерцания от того, что зрение рассудка болезненно поражается дымом страстей.

Глава 1. О том, что молитву должно предпочитать всему

Всякое действие, возлюбленный, и всякое слово Спасителя нашего Иисуса Христа есть правило благочестия добродетели. Для того и воплотился Он, как бы на иконе изображая и благочестие, и добродетель, чтобы каждый и каждая, взирая на Него, по возможности подражали Первообразу. Ибо для того носит наше тело, чтобы и мы сколько возможно подражали Его житию. Поэтому когда слышишь о Его слове или действии, не мимоходом и не просто, как случилось, выслушивай это, но, входя в глубину созерцаний, содейвайся причастником таинственно преподаваемого.

Так, Марфа принимает в дом свой Господа, а при ногах Его сидит Мария (Лк. 10, 38-39). В обеих сестрах видно прекрасное усердие, но ты различай дела. Марфа служила, приготовляя к угощению нужное для телесной Его потребности, а Мария, сидя при ногах Его, слушала слова Его. Поэтому одна упокоивала видимое, а другая служила невидимому, потому что присутствующий у них действительно был и человек, и Бог. Сам Господь одобрил усердие обеих женщин. Но Марфа, утомляемая трудами, призывала Господа в посредники, чтобы и сестру свою иметь помощницею в служении. Рцы ей,- говорит она,- да восставши ми поможет. Господь же говорит ей: "Марфо, Марфо, печешься и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отимется от нея (Лк. 10, 40-42). Я не для того здесь, чтобы возлежать на ложе и питать чрево, но для того, чтобы вас напитать словом истины с созерцанием тайн". Поэтому как одну не отвлек от того, чем занималась, так и другую одобрил за то, к чему была внимательна.

Вникни же, что значат сии две "части", представляемые в лице двух женщин, одна - низшая, избравшая для себя служение более телесное, хотя и оно весьма полезно, а другая, восшедшая до созерцания таин, - высшая и более духовная. Сие, слушатель, разумеи духовно и избери что хочешь. Если хочешь услуживать, служи о имени Христовом, ибо Сам Он сказал: понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 40). Принимаешь ли у себя странных, упокоиваешь ли бедных, сострадаешь ли болезнующим, подаешь ли руку помощи находящимся в нужде и несчастьи, услуживаешь ли недужным - все это Христос приемлет на Себя. Но если хочешь соревновать Марии, которая оставила служение телу, а востекла к созерцанию духовных предметов, то искренне приступи к делу. Оставь тело, покинь земледелие, приготовление снедей и хлопоты, но сядь у ног Господних и слушай слово Господне, чтобы стать тебе причастником тайн Божества, потому что созерцание учений Иисусовых выше служения телу.

Итак, возлюбленный, ты получил примеры и указание. Подражай чему хочешь: будь или служителем бедных, или любителем догматов Христовых. Если же можешь соревновать о том и о другом, то тем и другим приобретешь плод спасения. Впрочем, духовное учение есть первое, а все прочее - второе по нем. Ибо сказано: Мария благую часть избра. Поэтому если и ты хочешь быть таинником Христовым, если сидишь при ногах Христовых, принимаешь благовестование Христово, то оставишь всю мирскую жизнь свою и будешь жить беззаботно, забудешь и собственное тело свое и таким образом возможешь беседовать со Христом в созерцаниях, чтобы подражать Марии и пожать горную славу.

Молясь же, смотри не попроси одного вместо другого и не прогневай Господа. Не проси ни имения, ни славы человеческой, ни власти, ни другого чего преходящего, но проси Царствия Божия, и все служащее на потребу тела Он подаст тебе, как говорит Сам Господь: Ищите Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33).

Молитва же, возлюбленный, имеет два вида: первый - славословие со смиренномудрием, а второй, низший, - прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению; в противном случае сам обнаруживаешь свое произволение, что молишься Богу вынужденный потребностью.

Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь, видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворившего. И когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по-язычески, но выбирай слова из Святых Писаний и говори: "Благословляю Тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого, ежедневно являющего Свое долготерпение мне, грешнику, и всем нам дающего свободу покаяться. Ибо для того, Господи, молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, посещавшего нас то страхом, то увещаниями, то чрез Пророков, а напоследок пришествием Христа. Ибо Ты сотворил нас, а не мы. Ты Бог наш" (Пс. 99, 3).

Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и восшлешь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: "Я недостойн, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен". Так надобно говорить тебе, хотя бы ты и не сознавал за собою ничего худого. Ибо никто не безгрешен, кроме единого Бога. А мы, согрешая во многом, большей части грехов за собою не замечаем. Потому Апостол говорит: Ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся (1 Кор. 4, 4), то есть грешу много и не примечаю. Поэтому и Пророк говорит: Грехопадения кто разумеет? (Пс. 18, 13). Таким образом, и ты не лжешь, называя себя грешником. Если же разумеешь свои грехопадения, то согрешаешь тем самым, что говоришь: "Я не грешен".

Напротив того, говори лучше: "Более всех грешников грешен я, преступая Божию заповедь, которая повелевает: Егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы, еже должни бехом сотворити, сотворихом" (Лк. 17, 10). Так всегда должно рассуждать тебе: "Я неключимый" и еще: смиренномудрием друг друга честию болша себе творяще (Флп. 2, 3). Итак, молись Богу со страхом и смиренномудрием.

Когда же прострешь слово смиренномудрия и скажешь: "Благодарю Тебя, Господи, что долготерпел Ты моим грехопадениям и донныне оставлял меня ненаказанным, ибо давно достоин я был претерпеть тысячи бедствий и быть отринутым от лица Твоего, но незлобивое Твое человеколюбие было ко мне долготерпеливо; благодарю Тебя, хотя и нет у меня достаточных сил к благодарению за незлобие Твое" и когда совершишь обе части - славословия и смиренномудрия,- тогда уже проси, чего должен ты просить, то есть, как выше сказал я, не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Сам Он создал тебя и печется о твоём спасении и знает, что полезно каждому, здоровым ли быть или больным,- но, как повелено тебе, проси только Царствия Божия, ибо о потребностях тела твоего, как я сказал выше, Он заботится Сам. Царь наш преславен и негодует, если кто попросит у Него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога.

А прося того, что достойно Бога, не отступай, пока не получишь. Ибо, на сие наводя мысль, Господь говорит в Евангелии: кто от вас имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложити ему. И той извнутри ответит: Не твори ми труды, уже двери затворены суть, и дети моя со мною на ложи суть; не могу востав дати тебе. Глаголю же вам, аще и не даст ему востав, зане друг ему есть, но за безочьство его, востав даст ему, елика требует (Лк. 11, 5-8). Господь представляет нам пример, чтобы научить нас быть неослабными и ревностными в вере. Он берет пример с человека и для человека же, чтобы научился ты никогда не терять надежды, чтобы, когда будешь просить и не получишь, не отставал, пока не получишь, если только, как я сказал прежде, просишь того, что Богу угодно, и чтобы не говорил: "Я грешник, и потому не услышан". А чтобы не отчаялся ты, для сего говорит Он: аще и не даст ему, зане друг ему есть, но за безочьство его даст ему, елика требует. Наконец, хотя пройдет месяц, хотя год, три года и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро.

Часто бывает, что иной из нас в юности заботился о целомудрии, потом подкралось удовольствие, пробудились естественные пожелания, ослабела молитва, к молодости подлило вино, и целомудрие погибло, и человек из одного стал другим. Так происходят превращения, потому что человек не с мужественным рассудком противится страстям.

Поэтому должен он со своей стороны сделать все, но вопиать к Богу, чтобы Он был ему помощником. Ибо если кто по непостоянству предаётся пожеланиям и сам себя выдает врагам, то Бог не помогает ему и не слушает его, потому что он предварительно сделал себя чуждым Богу чрез грех. Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет долгу, а кто не изменяет долгу, тому никогда не изменяет Божие содействие.

Поэтому не надобно доводить себя до того, чтобы осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь; призывать же ее должно не с нерадением, не скитаясь умом туда и сюда. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не позволяя блуждать как внешнему своему оку, так и внутреннему, душевному, чтобы не подвергнуться опасности, то не тем ли паче со страхом и трепетом надобно стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, а не к чему-либо иному? Ибо Он не только, подобно людям, видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему если будешь стоять пред Богом, как надобно, и с своей стороны все сделаешь, то не переставай просить, пока не получишь просимого тобою. Если же будешь осуждаем своею совестью как презритель и если будешь стоять на молитве рассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. А если, изнемогли от греха, ты не в состоянии молиться без развлеченія, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему устремляя ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе, потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Если так будешь себя принуждать ко всякому делу благому, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося тобою просимого. Всяк бо, сказано, просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отвержется (Лк. 11, 10). Ибо чего иного желаешь ты получить, как не единого спасения в Боге?

Хочешь ли знать, возлюбленный, как терпеливы были святые и не отчаивались? Бог призвал Авраама в юности и из земли Ассирийской переселил его в Палестину, сказав ему: тебе дам землю сию и семени твоему по тебе, и как звезды небесные, так будет семя твое, которое не исчислится (Быт. 17, 8; 15, 5). И прошло большое число лет, омертвела в нем природа, кончина была уже при дверях, но он не сказал: "Господи, Ты всегда обещаешь мне детей и предсказываешь, что буду отцом всех народов; мертвы во мне от старости естественные движения, и у Сарры, жены моей, по старости не бывают уже женская (Быт. 18, 11), потому обетование ложно. Ибо какая остается надежда нам двоим, престарелым?". Он не сказал и не помыслил сего, но пребывал непоколебимым в вере, и хотя он был стар возрастом, но юна была надежда; тело и приходило в бессилие, и внушало отчаяние, но вера подкрепляла и душу, и тело. "Давший мне обетование,- говорит он,- есть Бог и Владыка естества; и не может быть иначе. Это Тот, Кто и невозможное делает возможным, потому что все творит и претворяет (Ам. 5, 8), как Ему угодно". Подражай и ты вере Авраамовой. Итак, когда природа изнемогла и движения омертвели, тогда ожило обетование Божие. Вот тебе примеры.

А мы помолимся год и оставим, попостимся два года и перестанем. Не будем же ослабевать, имея в виду обетование Божие. Ибо Обещавший Аврааму умножить семя его и нам обещал, что просящим даст просимое. Ибо говорит: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). Когда был ты далеко от Него, умилосердившись над тобою, труждающимся и обремененным тяжкою ношею греха, призвал Он тебя, чтобы облегчить от бремени и даровать тебе напоследок покой (29); ужели не веришь Ему? Но если бы захотели мы молчать, то изобличит нас совесть наша. Ибо не Ему не верим в том, что может упокоить нас, но отказываемся взять на себя иго Его благое и легкое (30) и узкими вратами войти в Царство Небесное; а напротив, предпочитаем носить бремя грехов, ходить широким путем страстей сластолюбия и пространными вратами войти в пагубу (Мф. 7, 13).

Но говоришь: "Много раз просил я, и не получал". Без сомнения, потому, что просил худо, или с неверием, или рассеянно, или бесполезного тебе. А если нередко и полезного

просил, то не имел постоянства. Ибо написано: в терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21, 19) и претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22).

Бог знает сердце молящихся. Поэтому, говоришь, какую нужду имеет Бог в нашем прощении? Разве не знает Он, в чем имеем нужду? Посему какая нужда в прощении? Бог знает, что нам нужно, и все телесное дает нам обильно в наслаждение (1 Тим. 6, 17) и, будучи благ, дождит на праведных и неправедных, и солнце Свое сияет на злых и благих (Мф. 5, 45) еще прежде прощения нашего (Мф. 6, 8). Но веры, заслуг добродетели, Царства Небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь, потому что должно прежде пожелать, а пожелав, искать искренно в вере и терпении, употребив с своей стороны все нужное, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво, или лениво; и тогда уже получишь, если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе.

И может быть, Он медлит даровать (просимое), умудряя тебя в усердии к Нему, и чтобы ты узнал, что такое дар Божий, и со страхом хранил данное. Ибо все, что приобретает кто-нибудь со многим трудом, старается он сохранить, чтобы, потеряв это, не потерять и многого труда своего и, отринув благодать Божию, не соделаться недостойным вечной жизни. Какую пользу принесло Соломону, что он скоро получил дар мудрости и утратил оный? Посему не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прощения. А теперь из попечительности о тебе делает это. Ибо если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот, то не тем ли паче осужден будет утративший его?

Посему, зная это, получаем ли скорее или медленнее, пребудем благодарными Господу, потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует ради нашего спасения, только мы да не будем из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностью преклонила беззаконного судию, чтобы и мы ради своей неотступности получали по прошениям своим. В этом выказывается и вера ваша, и любовь к Богу, когда, и не скоро получая, пребываем благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы быть нам достойными сподобиться вечных благ Его, потому что Ему подобает слава во веки веков, аминь.

Глава 2. О бдительности над помыслами и о том, что тело не есть зло, как предполагают некоторые

Прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не позволять душе предаваться необдуманному стремлению по увлечениям тела. Как телесное зрение - в глазе, так око души - в прирожденном ей уме; но не как одно в другом, а одно и то же - душа и ум, который есть некая сила естественная, а не превзошедшая в разумную часть души. Ибо когда душа, приводя в движение свою мысленную силу, какая естественно вложена в нее сотворившею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные его движения, блюдет в себе приличную ей тишину и в безмятежном покое занимается свойственными ей созерцаниями, и сие делает, по возможности возводя внимательный взор к достопоклоняемой Троице и умозаключая о неприступности Божией славы по преизбытку ее сияния, о светлости блаженства, о беспредельной премудрости, о постоянстве и неволненности безмятежия, об естестве бесстрастном и неподвижном; ибо с Кем ничто не может случиться нечаянно, потому что в Нем, как в сокровищнице, собрано ведение всего настоящего и будущего, Кто объемлет всяческая и все содержит в руке Своей, и Кому совершенно ничто не может воспротивиться и противостоять, в Том и следует быть тишине и непрестанному безмятежию. Ибо внезапные стечения неожиданных происшествий в умах человеческих обыкновенно производят мятежи. Поэтому кого не возмущает ни один порок, сопровождает же всякая добродетель и все, что есть прекрасного, тот справедливо может веселиться непоколебимым и нескончаемым весельем, потому что веселье - спутник

добродетели и благодати, как говорит Пророк: возвселится Господь о делех Своих (Пс. 103, 31).

Посему душа, соблюдающая мысленную силу свою в трезвении и приличных действиях, утвердится в описанных выше созерцаниях и будет упражнять свой нрав в том, что правильно, справедливо, благопристойно и мирно. А как скоро прекратит размышления и перестанет углубляться в надлежащие созерцания, тогда восставшие телесные страсти, как бесчинные и наглые псы, над которыми нет надсмотрщика, начинают сильно лаять на душу и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отделяя себе часть жизненной ее силы. Ибо думаю, что хотя душа одна и та же, сила ее двояка: одна - собственно жизненная сила тела, а другая - сила, созерцающая существующее, которую называем также разумом. Но душа, поелику соединена с телом, естественно, вследствие сего соединения, а не произвольно, сообщает телу силу жизненную. Ибо, как солнцу, воссияв, невозможно не освещать того, на что простерло лучи, так невозможно душе не оживлять тела, в котором пребывает. А сила созерцательная приводится в движение по произволению. Поэтому если душа соделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственной, как говорит Пророк: ниже воздремлет храняй тя (Пс. 120, 3), то усыпляет телесные страсти двояким образом, то есть и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив лень, оставит созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти, нашедши жизненную силу праздною, и разделив ее между собою, так как никто ими не правит и никто их не останавливает, увлекают душу к своим стремлениям и действиям. Посему телесные страсти в нас сильны, когда ум бездействен, благопокорны же, когда ум управляет и владеет телом.

Поэтому тело не заслуживает укоризн в глазах тех, которые хотят судить о нем правильно. При изложении сего мнения прилично опровергнуть ложные мнения тех, которые худо думают о теле. Возлюбленный, прекрасная вещь - конь, и чем он по природе резвее и горячее, тем лучше, но он требует наездника и управителя, потому что не наделен он рассудком. Если наездник на нем, то он сам попытается воспользоваться природными свойствами. Поэтому если наездник как должно распорядится стремлениями подъяремного животного, то употребит его с пользою для себя и достигнет предположенной цели, и сам остается в целости, и животное окажется весьма годным в дело. Если же наездник худо правит молодым конем, то конь неоднократно сбивается с большой дороги, попадает на дорогу непроезжую, низринувшись же со стремнины, уносит иногда с собою и самого седока, и нерадение наездника подвергает опасности обоих. Так рассуждай о душе и о теле.

Тело получило естественные стремления, которые не бессмысленны, но, без сомнения, на что-нибудь хороши и полезны, но оно не получило на свою долю рассудка, чтобы преимуществом разума почтена была душа. Если душа как должно управляет стремлениями тела, то и тело спасено, и душа пребывает вне опасностей. Если же вознерадит об управлении и, объятая сном беспечности, перестанет держать тело в узде, то и само оно, как не имеющее рассудка, совращается с прямого пути, и душу ввергает в равные с своими падения - не по собственной негодности, но по нерадению души. Ибо если бы телесные страсти были таковы, что не могла бы укрощать их душа, то по справедливости было бы виновно тело. Но если они стали покорны многим, потщившимся преодолеть их, то тело не может быть обвинено теми, которые стараются очернить его, называя первым виновником порока. Достойна же укоризны за нерадение душа, ослабившая власть свою над телом, но также не по самой природе имеющая в себе зло, а поставившая себя во зле, чрез оскудение в ней добра, потому что порок есть не что иное, как оскудение добродетели.

Глава 3. О том, что не должно без осторожности иметь свидания с женщинами

О бдительности над помыслами и обуздании телесных страстей, об изведении на простор и тишине внутреннего человека, о внимании и усердии его к своим обязанностям сколько могли, достаточно сказали мы ранее. Однако надобно не только бдительно

наблюдать за помыслами, но по возможности удаляться от близкого общения с тем, что всего более, приближаясь к нам, приводит нас на память страсти, тревожит и смущает рассудок и производит в душе брани и борения. Ибо ту брань, которая невольно постигает нас, принимать на себя необходимо, но весьма безрассудно воздвигать самим против себя брань произвольную. В первой и поражение (чего да не будет с Христовыми подвижниками!), может быть, получит извинение, а в последней побежденный сверх того, что бывает осмеян, лишается и извинения.

Посему надобно всего больше избегать бесед и свиданий и с женщинами, если не принуждает к свиданию неминуемая какая-нибудь необходимость. Да и при встретившейся необходимости надобно беречься женщин, как огня, и как можно скорее и поспешнее расходиться с ними. Вникни, что о сем говорит премудрость: Вяжет ли кто огонь в недра, риз же не сожжет ли? Или ходити кто будет на углиех огненных, ног же не сожжет ли? (Притч. 6, 27-28).

А если кто говорит, что от свидания и долгого сожительства с женщинами не терпит вреда, то он или не имеет в себе мужской породы и есть какое-то весьма странное создание, занимающее средину между тем и другим полом, - как это говорят о скопцах от рождения, если уже хотя им можно присвоить бесстрашие и нечувствительность к женскому полу, ибо желание скопчо растлит ли девицу? - говорит Премудрый (Сир. 20, 4), или если имеет, то, будучи погружен в страсти, не чувствует сего, уподобляясь упившимся или сумасшедшим, которые в самых тяжких страданиях почитают себя нестраждущими. Но допустим условно то, что выходит из пределов разума, а именно: будто иной не уязвляется мужскою страстью. Хотя бы сам он и остался бесстрастным, но нелегко ему уверить других, что он бесстрастен. А соблазнять многих, не имея при сем ввиду никакого доброго дела, почитаю небезопасным для поступающего так.

Притом должно принять во внимание и другое нечто, а именно: хотя мужчина и не терпит вреда от помыслов, но не будет уже спорить с нами и в рассуждении женщины, что она также изъята от телесных страстей. Напротив того, будучи слаба рассудком и более склонна к страсти, она нередко терпит уже некоторый вред от того, кто неосторожно имел с ней свидание. И кто сам не уязвляется, тот часто уязвляет, хотя и не знает того. И женщина, часто приходя к подвижнику под предлогом якобы духовной любви, начинает впивать в себя грех посредством очей, похотливыми взорами пожирать наружность ближнего и нечистыми помыслами растлевать внутреннюю деву, которую всего более любит Жених.

Поэтому, чтобы не случилось чего-либо из сказанного, надобно нам остерегаться, если возможно, всяких, а в противном случае, по крайней мере, частых и продолжительных бесед и свиданий с женщинами, не питая ненависти к этому полу и не отрицаясь родства с ним, но покровительствуя и помогая всякой женщине, как сопричастнице естества человеческого, особенно же - вступившим в подвиг чистоты, потому что подвизаются они в одном с нами; но свидания остерегаться, чтобы не привести себе на память той страсти, от которой мы удалились и отреклись.

Глава 4. О том, что воздержание должно измерять телесною силою, и о том, что телесный труд есть дело прекрасное и законное

Нужно также преодолевать и чрево, потому что приучение чрева есть обуздание страстей, а обуздание страстей - безмятежность и тишина души, душевная же тишина - самый производительный источник добродетелей. Самое лучшее воздержание чрева - то, которое у каждого соразмеряется с телесною силою. Ибо иным и усиленное злострадание казалось не прискорбным и более представлялось отдохновением, нежели трудом, по твердости и непреклонности их телесного состава и силы. Но что сносно для таких людей, то для других бывало причиною опасностей. Ибо у одних тел с другими можно найти столько же различия, сколько у меди и железа с деревьями, растущими кустарником. Посему должно выбирать воздержание по мере силы каждого.

Так, добродетели, совершаемые одною душою, равно все и всем предписываются. Таковы: кротость, скромность, смиренномудрие, благодать, братолюбие, простосердечие, любовь к истине, сострадательность, обходительность, человеколюбие. Сии добродетели преимущественно называют душевными, потому что тело к приобретению и совершению оных ничем более не содействует душе, а служит только для нее местом совещания, где душа рассуждает о сих добродетелях. Воздержание же для каждого должно быть определяемо по его телесной силе, чтобы не останавливаться на том, что ниже силы, какая есть в человеке, и не простираться до того, что выше силы.

И на то, думаю, надобно обращать внимание, чтобы, чрезмерностью воздержания ослабив телесную силу, не сделать тела ленивым и недейтельным для важнейших занятий. Ибо Бог, творя человека, конечно, не желал, чтобы он оставался праздным и неподвижным, но чтобы он был деятельным, в чем ему должно. И в раю повелел Он Адаму делати его и хранить (Быт. 2, 15) (хотя с сими словами соединено и высшее значение, но они и по собственному их смыслу достойны ревности и усердия); по изгнании же оттуда Он определил ему в поте лица есть хлеб (Быт. 3, 19). А что сказанное Адаму сказано всем родившимся от него, сие явствует из следующего: и смерть Бог определил в наказание Адаму, сказав: земля еси, и в землю отидеши (там же), но все родившиеся от него сделались, подобно ему, участниками сего бедствия. Посему не должно делать нововведений вопреки естеству и уставам Благодетеля естества, но, их держась, надобно сохранять тело деятельным, никогда не слабеющим от неумеренности. Ибо, думаю, что знак самой лучшей распорядительности - следовать положенным уставам.

Иначе могу подтвердить слово свое и многими свидетельствами Божественного Писания. Ибо Божественное Писание повелевает работать, приводить тело в движение и больше подкреплять немощ других, нежели самому искать руки других, но нимало не велит истощать и расслаблять тело неумеренными изнурениями. И на это представляю тебе достовернейшего свидетеля - святого Павла, который негде говорит: Слышим некия у вас безчинно ходящия и ничтоже делающия (2 Сол. 3, 11), а бесчинием называет праздность, ибо говорит: не безчинновахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиже ночь и день делающе (7-8), и что еще важнее сего: требованию моему и сущим со мною послужите руце сии (Деян. 20, 34), и еще в другом месте говорит: да делающе, свой хлеб ядят (2 Сол. 3, 12), и еще в одном месте: безмолвствовати и деяти своя и делати своими руками (1 Сол. 4, 11).

Подвижнику надобно быть свободным от всякого надмения и, идя путем истинно средним и царским, нимало не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, не любить неги и не приводить тела в бессилие излишеством воздержания. Ибо если бы хорошо было изнемогать телом и лежать дышащим мертвецом, то, конечно, Бог вначале устроил бы нас такими. Если же не так сотворил, то, конечно, что признал хорошим, то и сделал. А если такими произвел нас, какими хорошо было произвести, то грешат те, которые хорошо сотворенного не хранят, сколько могут.

Посему подвижник благочестия пусть имеет в виду одно: не вкрался ли как в душу, по нерадению, порок, не ослабели ли трезвение и напряженное стремление ума к Богу, не затмились ли как святыня Духа и производимое ею в душе просвещение. Если исчисленные благие дарования остаются в полной своей силе, то телесные страсти не будут иметь времени к восстанию, потому что душа занимается горним и не дает времени телу для восстания в нем страстей. Если нередко бывает в жизни, что, когда размышляем о чем с напряжением рассудка, зрение и слух остаются бездейственными, вся душа бывает занята предметом размышлений, оставив чувства в стороне, то, если Божественная любовь усиливается в нашей душе, тем паче не будет у нас и времени подумать о страстях. Если же когда и восстанут они несколько, скоро усмирены будут высотой ума.

Скажи же мне, что лучше: подражать ли плодоносным деревьям, которые и сами богаты плодами и других увеселяют своим плодоношением, или уподобляться огородным растениям, которые вянут от зноя и засухи, быть, по слову Пророка, яко свекла недовареная (Ис. 51, 20), быть неспособным послужить собственным своим потребностям (и притом когда имеем от

природы совершенные силы к удовлетворению своих нужд) и упражняться в любомудрии только вполнину, то есть одною душою, а не вместе и телом? Если бы мы находились вне тела, то необходимо было бы стремиться к совершеннейшему одною душою. Но поелику человек двояк, то и упражнение в добродетели должно быть двоякое, состоящее и в телесных трудах, и в душевных подвигах. Трудями же телесными назвать должно не праздность, а работу.

Впрочем, должно обращать внимание и на то, чтобы под предлогом телесной потребности не уклониться в служение сластолюбия. Если бы можно было выполнять надлежащие телу работы при непрестанном воздержании от пищи, то сие было бы всего лучше. Но поелику весьма немногие тела могут не упасть в силах при таком воздержании, то должно и поститься умеренно и оказывать телу самую необходимую помощь, но так, чтобы не сластолюбие руководствовало в избрании снедей, а рассудок со всею строгостью определял потребность, подобно сведущему врачу, который беспристрастно врачует болезнь, чем должно. Ибо при таком душевном расположении вкушающий пищу оказывается в любомудрии нимало не ниже невкушающего, а по намерению соблюдает не только непрестанный пост, но и неядение; попечением же о теле заслуживает похвалу, как наилучший домостроитель, потому что соразмерное питание тела и воздержание не способны воспламенить похоть и делать страсти необузданными. Это бывает следствием ненасытности и роскоши.

Указанное, насколько оно зиждется на естественных законах и свидетельствах Божественного Писания, и составляет теперь предмет нашего рассмотрения. Но поелику сказанное должно не только подкрепить словесными увещаниями, но и подтвердить этот совет примерами деятельности, то перейду теперь к самой жизни Спасителя, которую Он, пожив во плоти, оставил в образец и начертание добродетели всем, хотящим жить благочестно, чтобы и прочие, взирая на сии черты, отпечатлевали в жизни своей подобный образ, ничем не уклоняясь от первообраза отступлением в подражании. А что Спаситель жизнь Свою положил в образец совершеннейшего жития для всех хотящих Ему повиноваться, выслушай, как Сам Он ясно о сем учит: Аще кто Мне служит,- говорит Он,- Мне да последует (Ин. 12, 26), разумея не телесное за Ним последование (которое для всех не было возможно, потому что Господь, как известно, пребывает ныне телом на небесах), а точное по возможности подражание Его житию.

Как же жил и как поступал Спаситель наш? Греха не сотвори (1 Пет. 2, 22). Как правда была бы побеждена грехом? Как ложь восторжествовала бы над истиною? Как могущество было бы преодолено немощию? Или как несущее стало бы сильнее сущего? Бог, всегда сущий и не имеющий предела бытия, не допускает конца (Своего бытия). А грех никогда не существует (сам по себе) и не мыслится как особая сущность. Но чрез оскудение добра получая существование более в делающих грех, нежели в том, что сделано худо, неправедными делами образуется в духовную тьму, которая, впрочем, рассеивается светом правды (потому что свет во тме светится (Ин. 1, 5) и продолжается только до конца самых неправд. Ибо с прекращением лукавых дел и существование греха вместе уничтожается. Сказано: взыщется грех его и не обрящется (Пс. 9, 36), хотя бы наказание за грехи и было соблюдаемо для грешников и мучение за неправды было нескончаемо. Итак, греха не сотвори, ни обретется лесь в устех Его (1 Пет. 2, 22).

Долготерпения же, незлобия, благодсти, кротости, человеколюбия, снисходительности, смиренномудрия, благоразумия и, словом, всякой добродетели показал Он многие примеры, которые ясно описаны в Евангелиях. Примеры долготерпения и незлобия - в том, что переносил наветы иудеев, затмевающие непрестанно новыми излишествами прежние лукавства, и хотя обличал их кротко, чтобы остановить лукавство, однако же не отмчал и нимало не наказывал, но старался благодеяниями победить их бесчеловечие и подаянием благ - усиление лукавства; напоследок же восприял крест за распявших Его. Примеры кротости и снисходительности - в том, что всех допускал к Себе со свойственною Ему благодстью и позволял смело беседовать с Собою не только людям добродетельным, но и тем, для кого было приятно и уже обратилось в привычку предаваться делам самым постыдным.

Так приступали к Нему блудницы и мытари, причем они не увеличивали недуга похотливости или сребролюбия, но очищались от душевной болезни, и не столько приводимы были в стыд сознанием своего лукавства, сколько приобретали дерзновение в уповании на исцеление, потому что встречали на деле то, что превосходило их ожидания.

А какие примеры Его человеколюбия и сердоболия! То в пустыне ослабевшим от пребывания без пищи изготавляет наскоро богатую трапезу, вдвойне угощая и изобилием потребного, и чудесностью снабжения (Мф. 15, 32-38), то милосердует о недужных, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущия пастыря (Мф. 9, 36). И как врачует телесные немощи, исцеляет повреждения и омертвения членов, так разрешает душевные недуги, неразрешимые узы грехов и путы насильственных договоров, какие заключены нами с отцом греха диаволом.

А какие примеры смиренномудрия! Не только соблаговолил облечься плотию, но и быть, и почитаться сыном родителей, по настоящему состоянию низких, быть сыном Матери, почитаться же сыном названного отца. А примеры благоразумия! То обличает саддукеев, покушавшихся осмеять воскресение вымышленным рассказом об умерших семи братьях, после того как имели одну жену (Мф. 22, 25-32), то посрамляет учеников фарисейских с иродианами, когда, предложив обоюдоострый вопрос: достойно ли даяти кинсон кесареви, или ни? (17), получили обоюду разящий ответ, который мог в том и другом отношении обличить их неразумие, повелевая, не дать, но воздать, ибо говорит: воздадите кесарева кесареви (21), потому что монета бы кесарева, имела на себе образ и надпись кесареви.

Вот сколько, и даже в неизмеримое число раз больше, одних главнейших подвигов! А каковы и как многочисленны Его телесные труды, ради которых особенно и приводится пример! В первом возрасте, повинуюсь родителям, кротко и благопокорно переносил Он с ними всякий телесный труд, потому что они, как люди хотя праведные и благочестивые, но бедные и не в обилии снабженные необходимым для жизни (чему свидетелями ясли, послужившие честному Рождеству), естественно, занимались непрестанными телесными трудами, снискивая тем себе необходимое на потребности. Иисус же, повинуюсь има, как говорит Писание (Лк. 2, 51), без сомнения, показывал благопокорность и в перенесении с ними трудов.

А пришедши в возраст и оказывая Владычные и Божеские благодеяния, избирая уже учеников и намереваясь проповедовать Царствие Небесное, не требует Себе служения от других, лежа на одном боку и нежа тело Свое, но ради нашего спасения то путешествует, и всегда пеший, и служит ученикам, как Сам говорил: Аз же посреде вас есмь яко служай (Лк. 22, 27) и якоже Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити (Мф. 20, 28), то омывает ноги ученикам, а потом, долгое время занимаясь учением, неленостно переходит с места на место. Однажды только, и то на короткое время, употребляет подъяремное животное, впрочем, не для успокоения тела, но чтобы запечатлеть делами Своими пророчество (Мф. 21, 5; Зах. 9, 9).

А Апостолы? Не Владыке ли подражали? Не занимались ли непрестанно трудами? Посмотри на Павла, который непрерывно работает, неутомимо путешествует, плавает, бедствует, переносит непогоду, изгнание, удары, избиение камнями, душевным усердием и телесною силою противостоит всем искушениям. А если бы расслабил он телесные силы неумеренностью, то не был бы за сие увенчан.

Поэтому хорошо, душевными добродетелями и телесными подвигами подражая жизни Владыки и Его учеников и Апостолов, употреблять тело на службу самым добрым деяниям. Ибо душе принадлежит избирать из добрых дел и такие, которые совершаются при содействии тела, а телу - приводить в действие то, что избрала душа. Если же тело бессильно для приведения сего в действие, то доброе дело, сокрытое еще в произведении, остановилось на полпути, подобно какому-нибудь ростку, увядающему в земных недрах и не поступающему в употребление тем, для кого он зародился.

Но говорят: и Господь переносил продолжительное невкусение пищи, а точно так же и Моисей, и Илия Пророк. Но заметьте то, что Господь наш однажды только совершил это;

подобным образом и Моисей, и Илия. Во все же прочее время, в надлежащем порядке управляя телом и содержа его в деятельности, всегда занимаясь работами и трудами, таким образом просияли душевными добродетелями при содействии тела, жизнь деятельную соделав печатю и совершением жития духовного. Так поступал Моисей, так Илия, так и сам Иоанн, по неизреченному домостроительству долгое время живший в пустыне, по совершении же домостроительства пришедший в населенную страну проповедовать и крестить, кроме деятельности довершивший свой подвиг еще и дерзновением пред Иродом. Так поступал и весь сонм святых и Сам Иисус, проводивший время в делании. Посему отовсюду - и из законов природы, и из учения Божественных Писаний, и из того, что делали все святые, и из жития Спасителя нашего, и из правила жизни благочестивых - явствует, что гораздо лучше и полезнее иметь крепкое, а не расслабленное тело, и употреблять его на добрые дела, а не держать произвольно в бездействии.

Глава 5. О том, что подвижнику надобно заниматься приличными ему работами

Заниматься же подвижнику надобно работами приличными, которые свободны от всякой суетливости, долговременных развлечений и непозволительного прибытка, которые большей частью можно нам производить, оставаясь под своей кровлей, так что и дело делается, и безмолвие соблюдается. А если бы по необходимой потребности должно было произвести работу и на открытом воздухе, то и сие не воспрепятствует любомудрию. Ибо в строгом смысле любомудрый, имея собственное тело свое приютом и безопасным пристанищем для души, хотя бы случилось ему быть на рынке, или в торжественном собрании, или на горе, или в поле, или среди народного множества, всегда заключен в этом естественном своем монастыре, внутрь собирая свой ум и любомудрствуя о том, что ему прилично. Можно, и дома сидя, скитаться помыслами вне, и находясь на рынке, но соблюдая трезвение, быть как бы в пустыне, обращаться только к себе самому и к Богу и не воспринимать чувствами тех мятежей, какие производятся в душе чувственными предметами.

Глава 6. О том, что подвижнику не должно без осторожности проводить время со всякими людьми

Но не должно без осторожности доверяться всякому и перед всяким себя обнаруживать и открывать. Ибо, кто живет по Богу, у того много наветников, и нередко самые близкие к нему подсматривают за его жизнью. Поэтому не без предварительного испытания надобно иметь свидания с посторонними. Ибо если Спаситель, как говорит Евангелие, не всякому вверялся, сказано: Сам Иисус не вдаяше Себе в веру их (Ин. 2, 24), если Он, чистый, непорочный, неукоризненный, праведный, Он, Который весь - добродетель, поступал так, то мы, грешные, поползновенные, не всегда верно идущие к цели - то по естественной своей немощи, то по ухищрению того, кто лукаво и неослабно с нами борется,- выдавая себя людям любопытным, не навлечем ли на себя злой клеветы и не устроим ли сами себе соблазнов? Ибо люди порочные часто и прекрасные дела стараются оклеветать и даже маловажных погрешностей не потерпят оставить неосмеянными. Поэтому нужно с осторожностью вступать в беседы с посторонними.

Бывает у них и другой недуг от невежественных суждений об удалившихся от мира: они думают, что в переменивших образ жизни не расположение одно переменено, но перестроена сама человеческая природа; не рассуждают, что подвижники подвержены тем же страстям и преодолевают их душевною силою и удалением себя от удовольствий, но полагают, что страсти от телесного естества их совершенно устранены. А посему, если человек духовный хотя несколько уклонился от совершенства, тотчас все, даже прежние самые горячие хвалители и почитатели, делаются жестокими обвинителями и сами себя обличают в том, что и прежде расточали похвалы неискренние.

Как на поприще, если какой борец поскользнется, противник наступает на него немедленно, наносит ему удары и доводит его до совершенного падения, так и они, как скоро увидят, что живущий в подвиге добродетели уклонился несколько от совершенства, нападают на него, как стрелами поражая его укоридами и клеветами, а не рассудят в себе, что их самих ежедневно уязвляют страсти тысячами стрел; подвижники же благочестия, если и воюют против них подобные страсти, или терпят от них малый какой-нибудь вред, или часто и вовсе никакого, и притом имея сильнейшего, нежели они, противника. Поелику подвижники вызвались на борьбу с противником, то для лукавого весьма важно одержать над ними победу, а напротив, остаться побежденным - значит получить смертную рану, как потерпевшему совершенное поражение во всех частях добродетели. А брань с теми, которые предали себя миру, враг презирает частью потому, что весьма многие из них произвольно стремятся к поражению, будучи уловляемы в грех различными удовольствиями и вожделениями и доставляя противнику нетрудную над собою победу, частью ж потому, что по-видимому и противящиеся несколько греху разными развлечениями легко бывают уклонены от борьбы, обращают хребет и, неослабно поражаемые, несут на себе позорные знаки одержанной над ними победы.

Если же иногда, преодолев устремление житейских развлечений, смогли отважиться на брань с лукавым, то вынесли не такие борения, но во многом и до бесконечности меньшие в сравнении с подвижническими. Ибо один усиливается удержать за собою, что принадлежит ему по праву, и упорно подвизается в спорах о настоящих благах, а другой уступает оспаривающим и то, что принадлежит ему по праву, исполняя сказанное: от взимающего твоя не истязуй (Лк. 6, 30). Один, получив удар, сам отвечает ударом и, потерпев обиду, платит обидою же и думает, что сим поддерживает равенство, а другой терпит до тех пор, пока не почувствует сытости наносящий ему обиду или удары. И один старается одержать верх над всеми телесными удовольствиями, а другой проводит жизнь, пресыщаясь удовольствиями. Поэтому как мирского человека счесть борцом в сравнении с подвижником?

Затем и другое, чем обыкновенно страдают привязанные к настоящей жизни, когда судят о подвигах. Как скоро подвижник, после долгого невкушения, признал необходимым подкрепить тело пищею, они хотят, чтобы он, как бестелесный и невещественный, или вовсе не принимал пищи, или принимал как можно меньше. И если увидят подвижника, который не вовсе не щадит тела, но хотя в чем-нибудь удовлетворяет настоящей своей потребности, то злословят, и клеветают, и называют какими-то обжорами и лакомками, поношение и издевательство над одним распространяя на всех. А не рассуждают того, что сами два раза, иные же из них и три раза в день, едят самые тяжелые и жирные яства, нагружают себя необъятною грудю мяса и наливают безмерным количеством вина, и с такою же жадностью кидаются за стол, как и псы, после продолжительного голода спущенные с привязи.

А истинные подвижники употребляют пищу самую сухую, которая при легкости имеет мало в себе питательного, и каждый день вкушают по одному разу; научившись же проводить жизнь в строгом порядке и вкушая пищу умеренно и разумно, имеют они право при вкушении с дерзновенной совестью подавать телу потребное. А посему и прилично, чтобы свобода наша не судилась от иных совести (1 Кор. 10, 29). Ибо, если вкушаем пищу с благодарением, для чего хулят нас за то самое, за что мы благодарим, скудную и дешевую пищу принимая с таким весельем, с каким не принимают они блистательных и многоценных приготовлений богатого яствами стола?

Но если кто из упомянутых мною людей известен своим благоразумием и благоговением и с уважением смотрит на нашу жизнь, такового с осмотрительностью допустить к трапезе, если будет о сем просить, не противно благоразумию.

Глава 7. О том, что не должно делать частых и неосмотрительных выходов

Не надобно под предлогом посещения братий и свидания с ними делать многих и частых отлучек. Ибо это есть одно из диавольских примышлений, потому что враг и

подобным способом пытается расстроить наше постоянство и благочиние в жизни, ввергнуть же нас в сластолюбие и различные расстройства помыслов. Но надобно в безмолвии беседовать с самими собою, рассматривать и исправлять душевные прегрешения. Ибо недавно оставивший мир по собственному расположению достоин похвалы за склонность к добру, но не приобрел еще совершенства добродетелей; нередко же бывает, что он и не думал еще, каким образом выполнить ими требуемое. Напротив того, ему нужно в безмолвии, вникая в себя самого, усматривать беспорядочные стремления и движения души, мужественно им противоборствовать и исправлять беспорядки добрыми помыслами, потому что порядок в душе есть знак добродетели.

Поэтому кто всегда в отлучках и переходах непрестанно расстроивает и рассеивает внимательность и собранность души и постепенно привыкает обращать взор на телесные удовольствия, тот будет ли в состоянии заглядывать в самого себя, или узнавать, что на душе нехорошо, или приводить это в устройство сообразно с долгом, пока еще раздражает душу к страстным расположениям.

Поэтому надобно больше пребывать в безмолвии и каждому терпеливо оставаться в своем убежище, чтобы это свидетельствовало о постоянстве нравов, хотя и не жить в совершенном затворе, но с добрым дерзновением делать необходимые выходы, за которые нимало не зазирает совесть, и навещать из братии лучших и полезнейших по строгости жития, заимствуя для себя при полезном свидании образцы добродетелей и соблюдая в выходах своих, как сказали мы, умеренность и неукоризненность. Ибо часто выход и рассеивает уныние, родившееся в душе, и, дав как бы несколько укрепиться и отдохнуть, доставляет возможность вновь с усердием приступить к подвигам благочестия.

А если кто высоко думает о том, что не выходит из своей хижины, пусть он знает, что надмевается пустым делом. Ибо не выходить из дому не есть еще само по себе прекрасное дело, и выходы по временам не сделают человека хорошим или худым. Но твердое и непоколебимое суждение о хорошем или, наоборот, переменчивость в суждениях делают человека добрым или негодным. Если же кто укоренил в душе прекрасное и долговременным подвижничеством приобрел опытность в управлении страстями, укротил в себе телесные бесчинства и обуздал душевные и, надеясь на узду рассудка, намерен делать более частые выходы для назидания и посещения братий, то подобного человека и Писание еще более поощряет к исхождению, чтобы, поставив светильник на свещнице, всем подавал он свет прекрасного руководства, если только надеется, что встречающимся с ним и в слове, и в деле послужит училищем добродетели и таким образом приведет себя в безопасность, по сказанному Апостолом: да не како, иным проповедуя, сам неключим буду (1 Кор. 9, 27).

Глава 8. О том, что не должно давать воли и свободного доступа скитающимся подвижникам, но надобно остерегаться и их

Надобно остерегаться и тех, которые скитаются и переходят из одного братства в другое, постоянно, с неугомонной и неослабной стремительностью бегают по монастырям и под видом якобы духовной любви выполняют хотения плоти; у которых в душе нет ничего постоянного, твердого, благочинного, украшенного благоразумием, но есть все то, что суетно, злонравно, исполнено беспокойства и неразумия, коварства и лицемерия, лжи и обманчивого ласкательства.

Язык у них необузданный, чрево неумеренное, душа всегда готова лететь и кидаться опретью, помыслы подобны полету нетопырей, никогда не следуют прямому направлению, но несутся вкось и удобно обращаются назад, что обнаруживают в первых своих порывах, а к другому, сверх всякого ожидания, стремятся по переменчивости расположения, много ползают и нимало не подаются вперед.

Они походят также на подъяремных животных, которых гоняют вокруг жерновов и которые ходят много, но всегда остаются на том же месте, и хотя утомляются телом, однако же никак не выходят из малого пространства. Так и эти люди, всегда пресмыкаясь в телесных страстях, нимало не восходят на духовную высоту, но бегут по бесконечному

колесу, непрестанно гонимые телесными удовольствиями и вожделениями, от одного и того же опять в то же увлекаемые и, по причине худого произволения, не освобождаемые от лукавого рабства.

Они вместо приманки показывают смотрящим на них наружность овчую, а внутри скрывают жадную, злонравную и хитрую лисицу, стараются же в равное злонравие совращать и других многих, именно тех, которые, не состоя под управлением рассудка, легко отдаются в волю и хорошего, и худого вождя, то и признавая хорошим, что другой укажет или правильного, или только правдоподобного. И таких-то людей стараются они увлекать в свою пропасть, думая, что развращение обманутых ими послужит к собственному их оправданию и что сообщники в пороке уменьшат их вины.

Поэтому таковых надобно всеми мерами остерегаться, чтобы они не сделали вреда другим, сообщив им душевную заразу, и чтобы сами по преграждении им повсюду доступа хотя поздно, но обратились к добру, приняв себе в наставники стыд и в отвращении от них людей честных, находя вразумление к тому, чтобы бежать порока. Сему научил и Павел, рассуждая о не делающих ничего, но обо всем любопытствующих: сего,- говорит он,- назнаменуйте и не примешайтесь ему, да посрамится (2 Сол. 3, 14).

Глава 9. О том, что подвижнику никак не должно домогаться избирательного голоса или начальства над братиею

Нимало не должно подвижнику домогаться избирательного голоса или начальства над братиею. Ибо это - диавольский недуг и проявление любоначалия, которое служит признаком самого высшего диавольского лукавства. И диавол сею страстью увлечен был к своему весьма известному падению, и кем обладает сия страсть, тот болезнует наравне с ним.

Сверх того, страсть сия плененных ею делает завистливыми, ревнивыми, обвинителями, бесстыдными, клеветниками, ласкателями, злокозненными, унижающимися сверх должного, раболепными, высокомерными и исполненными бесчисленных смут. Ибо такой человек завидует достойным и клеветает на них, а нередко пожелает им и смерти, чтобы при недостатке способных к делу голоса дошли и до него.

Он будет ласкательствовать тем, в чьей воле подать избирательный голос, и поэтому сделается раболепным, но будет дерзок против низких, если станут противиться, и поэтому начнет сплетать козни; у него будут тысячи смущений и подозрений, душевная тишина разрушится, и Бог мира, не находя места, где упокоиться, оставит его.

Посему, зная такой вред, будем избегать неприличного пожелания. Если же кого Бог изберет к сему, то Он, как благоискусный, знает, как и соделать его достойным, а мы должны сознавать в себе, что не домогались ничего подобного и вовсе не имеем такого желания в душе. Ибо это есть самая тяжелая болезнь души и отпадение от добра.

Глава 10. О том, что не из тщеславия должно ревновать о добрых делах

Наипаче должно убегать тщеславия не того, которое удаляет от трудов еще прежде трудов (ибо это было бы меньшее зло), но того, которое лишает венцов по трудах, - этого неодолимого наветника нашему спасению, который под самыми небесными кругами ставит против нас свою засаду и усиливается ниспровергнуть добродетели, пустившие стебли свои даже до неба. Ибо когда видит, что купец благочестия наполнил уже корабль своего разума всякими товарами добродетелей, тогда, возбудив свою бурю, старается опрокинуть и потопить ладью. Ибо, убедив ум пловца, поспешающего к горнему Царству, обратить взоры на дольнее и на человеческую славу, внезапно развеивает все душевное богатство и, основания добродетели сравнивая с землею, ниспровергает труды, досягавшие до небес, доведя до того, что за сделанное нами просим у людей себе награды мы, которым надлежало, устремляя взор к единому Богу и Ему соблюдая в тайне добрые дела свои, от Него Единого ожидать достойного себе воздаяния.

А мы, предпочтя попечению о добре ради Бога делание ради славы от людей и от них требуя себе суетной награды - похвалы, достойно и праведно лишаемся Божиих воздаяний, не для Бога трудясь, но отдав себя в работники людям, а от них вместо наград получая потерю всех наград, чего же можем просить себе у Бога, для Которого ничего не захотели сделать? И что сие справедливо, выслушай, как Священное Евангелие говорит о тех, которые делают добро ради людей: Аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою (Мф. 6, 5).

Посему будем убегать тщеславия, этого льстивого грабителя духовных богатств, этого приятного врага наших душ, этого червя, подтачивающего добродетели, - тщеславия, которое с удовольствием расхищает наше добро, намазывает медом отраву своего обольщения и умам человеческим подает губительную чашу для того, думаю, чтобы они без сытости упивались сею страстью, потому что слава человеческая сладостна для неопытных, а сверх того делает, что плененные ею легко погрешают и против здравого суждения. Ибо домогающийся этой славы отступает от собственных суждений, почитает же достоуважительным то, чему могут подивиться первые из встретившихся с ним. Хотя бы они, будучи порочны или неразумны, стали дивиться худому, все-таки желающий похвал то и сделает, что, по его мнению, предполагают хорошим эти судьбы собственных его предначинаний. А таким образом, тщеславие бывает не только искоренителем добрых дел, но и путеводителем к делам лукавым.

Поэтому, имея ввиду здравый разум и Бога - наставника здравого разума, надобно идти тем путем, каким поведет Бог. Если иные похвалят сей путь, должно не ставить в великое их похвалу, обращая взор к горнему Хвалителю, и только радоваться за них, что имеют правильное суждение о добре. Если же другие будут порицать, то не должно стыдиться сего, но жалеть о них, как о не имеющих здравого суждения и пребывающих в страшном помрачении разумения.

Глава 11. О благовременном употреблении слова

Таковы главные из добрых дел, описанные нами не в соответствии собственному величию добродетели, но соразмерно с нашими силами. Следующие же за сим добродетели, какими обыкновенно украшаются нравы, всякий, думаю, без труда увидит сам. Таково, например, благовременное употребление слова и произношение оно на пользу. Полезным же будет или беседовать о добродетели вовремя, или вести речи по настоящей и неминуемой нужде, или вообще для созидания слушателей, а прочих речей как излишних и бесполезных избегать.

Глава 12. О том, что подвижнику не должно вдаваться в шутки

Надобно воздерживаться от всякой шутливости, так как со многими, занимающимися этим, случается, что погрешают они против здравого разума, когда душа развлекается смехом и теряет собранность и твердость ума. А нередко зло сие, возрастая постепенно, оканчивалось сквернословием и крайним бесчинием: столько-то несовместны между собою трезвенность души и изливание шутливости! Если же когда, чтобы дать себе некоторую ослабу, нужно разогнать угрюмость беседою, то да будет слово ваше исполнено духовной благодати и приправлено евангельскою солью, чтобы оно изливало из себя благоухание внутренне мудрого домостроительства и вдвойне увеселяло слушателя: и успокоением, и даром разумения.

Глава 13. О кротости и о том, каким образом появляется любовь

Подвижник должен как можно более быть исполнен кротости, потому что он или приобщился, или желает приобщиться Духа кротости, а приемлющий в себя сего Духа должен уподобляться Приемлемому. Если же когда нужно и негодование, а именно на леность подчиненного нам, то негодование да будет растворено рассудительностью. Ибо и

нож употребляют убийцы, употребляют и врачи. Но одни, поелику действуют ножом по гневу и жестокости, совершают им дела самые безрассудные, убивая подобных себе, а другие, поелику с рассуждением приступают к действию ножом, извлекают из сего великую пользу, потому что спасают жизнь находившихся в опасности. Так, умеющий негодовать с разумом делает великую пользу тому, против кого обнаруживает негодование, исправляя его леность или лукавство, а обладаемый страстью гнева не производит ничего здорового.

А что и заботящимся о кротости прилично благовременное негодование, явствует сие из следующего. И Моисей, о котором засвидетельствовано, что был кроток паче всех человек (Чис. 12, 3), когда потребовали обстоятельства, вознегодовал и до того простерся в движении гнева, что негодование свое заключил убиением единоплеменных - однажды, когда соорудили они тельца (Исх. 32, 27), в другой раз, когда осквернились Веельфегором (Чис. 25, 5).

Поэтому и кроткому можно разгорячаться с разумом, не повреждая в себе совершенства кротости. Оставаться же неподвижным или не показывать негодования, когда должно, есть признак недеятельной природы, а не кротости. Но за кротостью обыкновенно следует и незлобие, потому что кротость есть мать незлобия. А в людях истинно кротких, не имеющих тяжелого нрава, не менее сего бывает и благодати, потому что благодать - основа кротости. Все же это, взаимно срастворенное и совокупленное вместе, производит из себя наилучшую из добродетелей - любовь.

Глава 14. О благоразумии

Но всеми поступками должно руководить благоразумие. Ибо без благоразумия и все то, что по-видимому прекрасно, от неблагоприятности и несоблюдения меры обращается в порок. А когда разум и благоразумие определяют время и меру благ, тогда от употребления их получают удивительную выгоду и дающие, и приемлющие сии блага.

Глава 15. О вере и надежде

Всеми же начинаниями да руководит вера в Бога и да сопутствует ей благая надежда, чтобы верою укреплять нам в себе душевную силу, а благою надеждою возбуждать в себе усердие к доброму. Ибо человеческое начинание в рассуждении доброго не совершится без помощи свыше, а вышняя благодать не снизойдет на того, кто не прилагал о сем старания. Напротив того, в совершении добродетели должно соединиться то и другое - и человеческое усердие, и помощь, по вере приходящая свыше.

Глава 16. О смиренномудрии

Во всем, что ни сделано нами доброго, душа причины успеха в деле должна приписывать Господу, нимало не думая, чтобы она в чем-либо добром успевала собственною силою. Ибо таким расположением обыкновенно производится в нас смиренномудрие. А смиренномудрие - сокровищехранительница добродетелей.

Вот тебе от меня, как сказал бы иной, семена учения о добродетели! Ты, приняв их, отсюда возрасти мне обильный плод и исполни слово премудрости, которое велит давать премудрым вины, да премудрейшие будут (Притч. 9, 9).

Глава 17. Сколькими способами возникают в душе лукавые помыслы

Поелику прежде хотя рассуждали мы о помыслах, однако же не объяснили, сколько есть способов, по которым в здравом рассудке зарождаются лукавые мысли, то теперь почли мы справедливым присовокупить и сие, чтобы исследование сего предмета было совершенно.

Итак, два способа, которыми непристойные мысли приводят в смущение здравый рассудок: или душа по собственному нерадению блуждает около того, что для нее неприлично, и от одних мечтаний переходит к другим, самым бессмысленным, или бывает сие по злоумышлению диавола, который старается представлять уму предметы непристойные и отводит его от созерцания и внимательного рассматривания предметов похвальных.

Посему когда душа, ослабив твердость и собранность мысли, пробудит в себе первые встретившиеся ей воспоминания о предметах, без разбора взятых, тогда помысл, невежественно и безрассудно увлекаясь воспоминаниями об этих предметах и долго на них останавливаясь, из одного заблуждения переходит в другое, еще далее его заводящее, пока, наконец, не вринется в гнусные и ни с чем не сообразные мысли. Но таковое нерадение и такую рассеянность души должно исправлять и отклонять от себя более собранным и строгим вниманием ума и в каждую настоящую минуту надобно занимать непрестанно душу размышлением о том, что прекрасно.

Когда же диавол предпринимает строить свои козни и с великою силою старается в безмолвствующую и в покое пребывающую душу впустить свои помыслы, как разжженные какие стрелы, внезапно воспламенить ее и произвести в ней продолжительные и неистребимые воспоминания однажды в ней впечатленного, тогда трезвением и усильнейшею внимательностью должно отражать таковые нападения, подобно тому как борец самую строгою осторожностью и изворотливостью тела отклоняет от себя удары противоборцев, и между тем все, то есть и прекращение брани и отражение стрел, приписывать должно молитве и призыванию помощи свыше. Ибо сему научает нас Павел, говоря: над всеми восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити (Еф. 6, 16).

Хотя бы во время этих молитв он и стал влагать лукавые мечтания, душа не перестает молиться и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые всеяния врага, эти мечтания неистощимого в кознях чудодея уаmατορiοα, но рассудив, что появление неприличных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем сильнее да припадает к Богу и да молит Его рассыпать лукавую преграду остающихся в памяти непристойных помыслов, чтобы стремлением ума своего беспрепятственно, без всякого промедления и мгновенно, востечь к Богу, когда нашествия лукавых помышлений нимало не будут пресекать пути. Если же и продолжится таковое восстание помыслов по безотвязности воюющего с нами, то и в этом случае не должно приходить в отчаяние и оставлять подвиги на половине дела, но терпеть дотолы, пока Бог, видя нашу стойкость, не озарит нас благодатию Духа, которая обращает в бегство наветника, очищает и наполняет Божественным светом ум наш и дает, что мысль наша в неволненной тишине служит Богу с веселием.

Глава 18. К соблюдающим подвижническое правило в общежитии

В сказанном пред сим рассуждали мы, сколько было можно, о подвижнике взятом отдельно и возлюбившем жизнь одинокую: как ему, приобучая душу к доброму и направляя тело к должному, можно напечатлеть в себе для нас образец совершенного любомудрия. Но поелику б!ольшая часть подвижников живет обществами, изошряя друг в друге мысли об усовершении себя в добродетели и чрез взаимное сравнение того, что делает для сего каждый, возбуждая себя к преспеянию в добром, то почли мы справедливым и им предложить словесное увещание. А прежде всего, выразумев великость и важность того блага, какое усвоят себе, должны они так принять сие увещание, чтобы показать в себе усердие и тщательность, достойную добродетели, в какой упражняются.

Итак, во-первых, возлюбив общение и совокупную жизнь, возвращаются они к тому, что по самой природе хорошо. Ибо то общение жизни называю совершеннейшим, из которого исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же общее, и души, и

расположения, и телесные силы, и что нужно к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, в котором многие составляют одного и каждый не один, но в ряду многих.

Что равняется сему житию? Но что и блаженнее оно? Что совершеннее такой близости и такого единения? Что приятнее этого слияния нравов и душ? Люди, подвижнившиеся из разных племен и стран, привели себя в такое совершенное тождество, что во многих телах видится одна душа, и многие тела оказываются орудиями одной воли. Немощный телом имеет у себя многих состраждущих ему расположением; больной и упадающий душою имеет у себя многих врачующих и восстанавливающих его. Они в равной мере и рабы, и господа друг другу, и с непреодолимую свободою взаимно оказывают один перед другим совершенное рабство - не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающею в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостью производится свободою произволения, когда любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет свободу самопроизволением. Богу угодно было, чтобы мы были такими и вначале, для этой цели и сотворил Он нас. И они-то, изглаждая в себе грех праотца Адама, возобновляют первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества. Они-то суть точные подражатели Спасителю и Его житию во плоти. Ибо как Спаситель, составив лик учеников, даже и Себя соделал общим для Апостолов, так и сии, повинующиеся своему вождю, прекрасно соблюдающие правило жизни, в точности подражают житию Апостолов и Господа. Они-то соревнуют жизни Ангелов, подобно им во всей строгости соблюдая общительность.

У Ангелов нет ни ссоры, ни любопрения, ни недоразумения; каждый пользуется собственностью всех, и все вмещают в себе всецелые совершенства, потому что ангельское богатство есть не какое-нибудь ограниченное вещество, которое нужно рассекать, когда требуется разделить его многим, но невещественное стяжание и богатство разумения. И посему-то совершенства их, во всяком пребывая всецелыми, всех делают равно богатыми, производя то, что собственное обладание у них несомненно и бесспорно. Ибо созерцание высочайшего совершенства и самое ясное постижение добродетелей есть ангельское сокровище, на которое позволительно взирать всем, так как каждый приобретает всецелое ведение сего и всецелое сим обладание.

Таковы и истинные подвижники, не земное себе присвояющие, но домогающиеся небесного и в нераздельном участии всецело хранящие в себе все, и каждый одно и то же, потому что приобретение добродетели и обогащение добрыми делами есть любостяжание похвальное, хищение, не доводящее до слез, ненасытность, достойная венца; и виновен тот, кто не делает таких насилий. Все расхищают, и ни одного нет обиженного, а потому распоряжается богатством мир. Они-то предвосхищают блага обетованного Царствия, в доброхвальном своем житии и общении представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию. Они-то на самом деле хранят совершенную нестяжательность, не имея у себя ничего своего, но все общее. Они-то ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило нам Спасителево вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеченное естество человеческое по мере сил своих снова приводят в единение и с самим собою и с Богом. Ибо это главное в Спасителевом домостроении во плоти - привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство, подобно тому как наилучший врач целительными врачествами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части.

И это изобразил я не с тем, чтобы самому похвалиться сколько-нибудь и превознести словом своим добрые дела общежительных подвижников (ибо не такова сила моего слова, чтобы могло украсить великое, а напротив того, оно может более помрачить его слабостью изображения), но для того, чтобы по возможности описать и показать высоту и величие сего доброго дела. Ибо что при сличении может стать наравне с сим благом? Здесь отец один, и подражает Небесному Отцу, а детей много, и все стараются превзойти друг друга благорасположением к настоятелю, все между собою единомысленны, улаживают отца

доброхвальными поступками, не узы естественные признавая причину сего сближения, но вождем и блюстителем единения соделав Слово, Которое крепче природы, и связуемые союзом Святаго Духа. Можно ли в чем земном найти какое подобие к изображению совершенства этой добродетельной жизни? Но в земном нет никакого подобия, остается одно подобие - горнее.

Небесный Отец бесстрастен, без страсти и этот отец, всех приводящий в единство словом. Нерастленными хранят себя дети Небесного Отца, и сих сблизило соблюдение нерастления. Любовь связует горних, любовь и сих привела в согласие друг с другом. Подлинно, и сам диавол приходит в отчаяние перед этою дружиной, не находя в себе сил против такого числа борцов, которые бодро и дружно ополчаются против него, так прикрывают друг друга любовью, столько ограждены Духом, что нет и малейшего места, открытого для его ударов. Представь себе единокорный подвиг семи Маккавеев и найдешь, что в согласии подвижников еще более горячности. О них-то пророк Давид восклицает песенно, говоря: Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе (Пс. 132, 1), словом добро изображая достохвальность жизни, а словом красно - веселье, производимое единомыслием и согласием. Кто во всей точности проходит жизнь сию, тот, по моему мнению, ревнитель высочайшей добродетели.

Глава 19. О том, что подвижник должен приступать к подвигу с твердою решительностью, и о послушании

Для пронизательных умов слово наше в предыдущем изложении свойств этого рода жизни определило уже правило для жизни. Но поелику для более простых братий надобно еще яснее изложить в подробности правило этой жизни, то и обратимся к сему.

Итак, приступивший к подобному образу жизни прежде всего должен иметь образ мыслей твердый, непоколебимый и неподвижный, такую решимость, которой бы не могли преодолеть и изменить духи злобы, и душевною твердостью даже до смерти показывать стойкость мучеников как держась заповедей Божиих, так и соблюдая послушание наставникам. Ибо это главное в сем роде жизни. Как Бог, Который Отец всем и благоволит именоваться так, требует от Своих служителей самой точной благопокорности, так и духовный у людей отец, сообразовывающий распоряжения свои с Божиими законами, требует беспрекословного послушания. Если посвятивший себя какому-нибудь рукодельному художеству, одному из полезных нам в настоящей жизни, во всем покоряется художнику и ни в чем не противится его приказаньям, не отлучается от него и на самое короткое время, но непрестанно бывает на глазах у учителя, такую принимает пищу и такое питание, такой ведет во всем прочем образ жизни, какой тот предпишет, то кольми паче приступающие к изучению благочестия и святости, однажды уверившись, что могут приобрести таковое познание от наставника, воздадут за сие всякою благопокорностью и самым точным во всем послушанием и даже не будут допытываться, на каком основании дается им приказание, но станут исполнять сказанное дело. И разве о том только пожелают знать, о чем не знающим чего-либо, относящегося ко спасению, позволительно вежливо и с надлежащей скромностью спросить и получить вразумление.

Но все старание да употребит человек, чтобы душевная высота не была унижена восстанием сластолюбивых пожеланий. Ибо душа, пригвожденная к земле плотским сластолюбием, как уже может взирать свободным оком на сродный ей и умный свет? Потому прежде всего надобно упражняться в воздержании, которое служит надежным стражем целомудрия, и вождю - уму - не позволять порываться туда и сюда. Как вода, запертая в трубах, под гнетущею ее силою не имея возможности разливаться в стороны, стремится прямо вверх, так и ум человеческий, когда воздержание, подобно узкой трубе, отовсюду сжимает его, не имея случаев к рассеянию, по свойству своей подвижности возвысится до желаний предметов возвышенных. Ибо ему невозможно когда-либо остановиться, получив от Творца природу, назначенную к непрестанному движению; и если препятствуют ему

устремляться к чему-либо суетному, то, конечно, невозможно для него не идти прямо к истине.

А воздержание думаем определить так, что оно есть не одно воздержание себя от снелей (ибо в этом успевали многие и из эллинских философов), но преимущественно воздержание от скитания очей. Ибо какая польза, если, воздерживаясь от яств, пожираешь глазами похоть любодения или ушами охотно выслушиваешь суетные и диавольские речи? Нет пользы воздерживаться от снелей, но не воздерживаться от кичения, высокоумия, суетной славы и всякой страсти. Или что пользы наблюдать воздержание в снедах и не воздерживаться от лукавых и суетных помыслов? Посему и Апостол сказал: Боюсь, да не како истлеют разумы ваши (2 Кор. 11, 3). Посему будем воздержными от всего этого, чтобы и на нас не пала по справедливости укоризна Господня, как на оцеждающих комара, вельблуда же пожирающих (Мф. 23, 24).

Глава 20. О том, что не должно домогаться бесед с мирскими родственниками или заботиться о делах их

От родственников, друзей и родителей надо столько же отдаляться своим расположением, сколько видим далекими между собою мертвых и живых. Ибо кто действительно приуготовил себя к подвигам добродетели, отрекся от целого мира и от всего, что в мире, и, скажу полнее, распялся миру, тот умер для мира и для всего, что в мире, будут ли это родители или братья, или родственники, состоящие в третьем, четвертом и далее колене. Поэтому если родители удаляются от мира и приступят к тому же роду жизни, какой ведет сын, то подлинно они сродники и стоят на степени не родителей, а братьев. Ибо первый, самый истинный, отец есть Отец всех, а второй после Него - наставник в духовном житии.

Если же сродники продолжают любить прежнюю жизнь, то составляют они часть мира, от которого мы удалились, и ни в каком родстве не состоят с тем, кто отложил плотского человека и совлекся свойства с ними. А кто вполне любит дружбу с людьми мирскими и желает непрестанно с ними беседовать, тот вследствие частых бесед поселяет в душе своей их расположения. И опять, кто наполнил ум мирскими понятиями, тот отстал от благого предприятия, удалился от духовного образа мыслей, снова собрал в душу извергнутое им прежде и уязвлен врагом, который плотским сродством возмущает духовное житие.

Поэтому пожелаем сродникам наилучшего, то есть правды и благочестия и того, что мы признали для себя досточестным. Ибо и нам прилично желать сего, и им полезно получить от нас такой плод. А сами освободим свои помыслы от заботы и беспокойства о них, потому что диавол, как скоро видит, что совлеклись мы всякого житейского попечения и с легкостью течем к небу, внушив нам мысль о родственниках и настроив нас заботиться об их делах, делает, что рассудок наш обеспокоивается житейскими заботами о том, каково имущество у близких нам, достаточное или скудное; какая прибыль получена от сделанных ими оборотов и насколько от сего возросло их богатство; какие потери понесены ими от встретившихся несчастных обстоятельств и насколько от этого уменьшилось настоящее их имущество.

Он делает также, что как радуемся их успехам и приходим в уныние от их неудач, так и враждуем с ними на их врагов (тогда как нам велено никого не считать врагом - Мф. 5, 44), и радуемся с друзьями, которые часто бывают недостойны духовного сближения, радуемся неправедным и безрасчетным их прибыткам. Диавол снова вводит в наши помыслы все лукавые расположения к предметам житейским, которых совлеклись мы, чтобы поселить в себе духовные понятия. И опять внеся в душу вещественный и мирской образ мыслей, уничтожает в нас внутреннего подвижника, делает же из нас какой-то истукан, который носит на себе наружность подвижника, но нимало не одушевлен добродетелями. А нередко бывало, что от сильного расположения к родственникам подвижник осмеливался учинить святотатство, чтобы избавить от нужды родственников. Ибо сберегаемое для святых, посвятивших себя Богу, священо, признается и приемлется за истинное приношение Богу, а потому похищающий что-либо из этого принадлежит к числу отважившихся на святотатство.

Посему, познав несносный вред сего расположения к своим, будем избегать заботы о них, как диавольского оружия. Ибо и Сам Господь запретил таковую привязанность и привычку, не дозволив одному из учеников даже проститься с домашними, а другому - предать земле тело умершего отца. Тому, кто хочет проститься с домашними, Господь говорит: никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Небесном (Лк. 9, 62). А тому, кто просит погребсти отца, отвечает: ходи вслед Мене и остави мертвья погребсти своя мертвецы (59-60). Хотя по-видимому тот и другой предлагают весьма благовидные и справедливые прошения, однако же Спаситель не дал на них соизволения и на короткое время не позволил отлучиться от Него питомцам Небесного Царствия, чтобы они по увлечению в земные и плотские расположения, не сделали или не помыслили чего-либо такого, что ниже возвышенного и небесного образа мыслей. Посему помышляющим о небесном, как уже переселенным отселе и мысленно сделавшимся премирными, непозволительно иметь какое-либо уважение к земному.

Если же кто скажет: "Как же закон повелевает заботиться о своих, говоря: и от свойственных племени твоего не презри (Ис. 58, 7), а подобно сему и Апостол: Аще же кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отверглся есть и невернаго горший есть (1 Тим. 5, 8)", - то дадим ему краткий ответ, что божественный Апостол сказал сие людям мирским, имеющим у себя вещественное богатство и возможность облегчить нужду родственников; а подобно и закон говорит сие (скажу короче) живым, а не мертвым, потому что последние не подлежат никакой подобной сему обязанности. А ты умер и распялся целому миру. Ибо, отказавшись от вещественного богатства, возлюбил ты нестяжательность, посвятив себя Богу, соделался Божией драгоценностью. Как умерший свободен ты от всякого вклада в пользу сродников, а как нестяжательный ничего у себя не имеешь, что мог бы подать им. Поелику же ты плодопринес Богу и самое тело и над ним, как над принесенным в дар Богу, не имеешь уже власти, то непозволительно тебе обращать себя на употребление людям и надобно иметь дело с одними единоправными, которые и сами все посвятили Богу. Посему как могут быть прилагаемы к тебе упомянутые изречения Святого Писания? Или не погресишь ли, отказываясь от обета своего касательно подвижничества?

Глава 21. О том, что не должно отделяться от духовного братства

Надобно ясно увериться и в том, что однажды вступивший в союз и единение духовного братства не вправе уже отделяться и разлучаться с теми, с которыми стал соединен. Ибо если вступившие между собою в связи по этой вещественной жизни часто не могут расходиться вопреки сделанным условиям или поступающий так подпадает определенным за то наказаниям, то тем паче принявший на себя условия духовного сожительства, имеющего неразрывную и вечную связь, не вправе отделять и отторгать себя от тех, с которыми вступил в единение, или поступающий так подвергнет себя самым тяжким наказаниям свыше. Если женщина, которая вступила в сообщество с мужчиной и имеет с ним плотскую связь, как скоро обличена будет в неверности к нему, осуждается на смерть, то во сколько крат более делается виновным за свое отлучение тот, кто при свидетельстве и посредничестве Самого Духа принят в духовное сообщество? Посему как телесные члены, связанные между собою естественными узами, не могут отторгаться от тела, а если отторгнутся, то отторгнувшийся член делается мертвым, так и подвижник, принятый в братство и удерживаемый в нем счленением Духа, которое крепче естественных уз, не имеет власти отделяться от тех, с которыми стал соединен; или, поступая так, он мертв душою и лишен благодати Духа, как обративший в ничто условия, заключенные при Самом Духе.

Если же кто скажет, что некоторые из братьев худы (конечно, не обвинит он всех, потому что не для худого чего вступают в сообщество, чтобы всем согласно быть худыми), - итак, если скажет, что некоторые из братьев худы, без осторожности нарушают доброе, не радят о благопристойности, небрегут о строгости, приличной подвижникам, и потому надо с таковыми разлучиться, то придумал он недостаточное оправдание сего удаления, потому что

ни Петр, ни Андрей, ни Иоанн не отторглись от прочего лика Апостолов за лукавство Иуды, и никто другой из Апостолов не обратил сего в предлог к отступничеству, и злонравие Иуды нимало им не воспрепятствовало повиноваться Христу, напротив того, пребывая покорными наставлениям Господа, они ревновали о благочестии и добродетели, не совращаясь в лукавство Иуды.

Таким образом, кто говорит: "Ради дурных братьев принужден я отделиться от духовного союза", тот изобрел неблагоприятный предлог своему непостоянству. Напротив того, сам он есть та каменистая земля, которая по непостоянству воли не может возрастить в себе слова истины, но при малом приращении искушения или от неудержимости страстей не терпит целомудренного жития, и едва взшедший росток учения вскоре иссушается в нем зноем страстей. И он придумывает по собственному убеждению пустые и недостаточные предлоги к своему оправданию на суде Христовом и сам себя легко вводит в обман, потому что всего легче обмануть самого себя, ибо всякий бывает снисходительным к себе судиею, рассуждая, что приятное вместе и полезно.

Потому да будет таковой осужден по суду самой истины как подающий для многих повод к соблазну или худой пример, который всегда поощряет к соревнованию таким же несообразным поступкам, и как сделавшийся наследником возвещенного: горе. И уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей (Мф. 18, 7, 6). Ибо душа, как скоро привыкнет к отступничеству, наполняется сильною невоздержанностью, любостыжательностью, ненасытностью, лживостью и всяким злонравием, и наконец, погружаясь в крайнее зло, низвергается в бездну порока. Посему кто стал путеводителем в подобных делах, тот пусть посмотрит, в погибели скольких душ виновен он, между тем как не в состоянии дать удовлетворительного отчета за свою душу. Ибо почему таковой не подражает лучше великому Петру и не служит для прочих примером твердой веры и постоянства в прекрасном, чтобы при воссиянии света добрых дел его и живущие во тьме лукавства направляли путь свой к лучшему?

Потом и Ной праведный не сказал Богу: "Мне должно уйти из мира, потому что все лукавы", но терпел подвижнически и мужественно, среди бездны лукавства соблюдал необуреваемое благочестие, никогда не мятежничал против Владыки, но терпением и постоянством и среди волн нечестия спас корабль благочестия. И Лот, живя в Содоме среди такого нечестия, беззакония и бесчиния, сохранял добродетель неповрежденную, нимало не уловленную никакими злыми наветами, но среди жителей, которые убивали странников, с великою наглостью и похотливостью поступали вопреки уставам природы, и сам сохранял святыню неоскверненную, и других, сколько можно было, приводил к ней, поучая доброму более делами, нежели словами. А ты выставляешь предлогом нерадение братьев, или действительное, или тобою придуманное, сам замышляя отступничество, подыскиваясь уничтожить Святаго Духа, и клевету на братьев обращаешь в завесу собственного своего лукавства и лености потрудиться для добродетели.

Посему таковой, уцеломудрившись сими примерами, да возлюбит согласие Духа, в какое привел себя от первых пелен небесного рождения. Ибо если одному из перстов на руке случится потерпеть что-нибудь болезненное, другой перст не будет усиливаться, чтобы и его также отсекали, но сперва постарается избежать боли отсечения, а потом будет столько тверд, чтобы заменить собою телу потребность подвергшегося опасности перста и чтобы руке, лишенной естественных своих ветвей, не дать вовсе утратить свойственное и прирожденное ей украшение. Посему примени сей пример к подвижнику и смотри, сколько скорби и замешательства причиняет он чувствительным душам своим отсечением и как себя самого делает мертвым и непричастным жизни.

А что наставник не захочет обучаемого им вводить в порок, в каком случае худое руководство учителя послужило бы ученику предлогом к удалению и отступлению, это, если угодно, рассмотрим так. Что такое отец? Что такое учитель? Тот и другой образует детей для подвигов: один сыну, другой ученику старается желать и советовать лучшее. Ибо отцам естественно желать, чтобы дети их сделались самыми хорошими, благоразумными,

благодетельными и скромными, чтобы и детям иметь добрую о себе славу, и отцам приобрести более именитости, когда им воспишутся и добрые качества детей.

А обучающие телесным упражнениям стараются упражняемых ими сделать самыми сильными и ловкими, чтобы, при силе и опытности совершив искусный подвиг, оказались они славными победителями противоборцев и чтобы по всем правилам производимая ими борьба обратилась в явную похвалу наставникам. И всякому, вознамерившемуся учить, естественно желать, чтобы ученики дошли до самого точного уразумения уроков. Итак, поелику в отцах природа следует сему закону, то как же наставнику святой жизни не пожелать, чтобы обучаемый им не оказался самым непорочным и целомудренным в духовной мудрости, когда при том ясно он знает, что если ученик сделается таким, то и у людей будет он славен, и от Христа получит светлые венцы за то, что служителей, или, лучше сказать, братьев Его (потому что Христос употреблял и сие наименование - Мф. 12, 49), своею попечительностью соделал достойными единения со Христом?

Посмотрим и с другой стороны. Если ученик от его руководства сделается худ, то наставнику будет безутешный стыд на всемирном собрании во время Суда, и на всеобщем небесном соборе будет он не только постыжен, но и наказан. Поэтому как возможно, чтобы наставник не пожелал своему слушателю сделаться благодетельным и скромным? Да и в другом отношении не полезна учителю порочность ученика. Поелику оба они вознамерились жить друг с другом, то плоды того порока, который примет в себя ученик, прежде всего сообщит он учителю, как ядовитые пресмыкающиеся прежде всего изливают яд свой на тех, кто отогрел их.

А таким образом и из свойства дела, и из того, что полезно руководителю, - из всего явствует, что он пожелает и всемерно постарается сделать своего воспитанника скромным и благодетельным. Ибо если бы он был наставником во грехе и лукавстве, то, конечно, постарался бы упражняемых им привести к этому концу. Если же он учитель добродетели и справедливости, то захочет, как думаю, чтобы обучаемый достиг конца, не противного собственным его стараниям.

Посему у хотящего удалиться из духовного общества отнят всякий благодетельный предлог. Оказалось же, что причиною подобной мысли в нем есть неудержимость страстей, нерадение о трудах, неосновательность и нетвердость суждения. Он не слышал сказанного пророком Давидом: Блажени хранящие суд (Пс. 105, 3) - хранящие, а не разоряющие. Эти люди подобны уродивым, которые основание духовного здания положили на песце, то есть на нетвердой воле, и это здание небольшой дождь искушений и малый поток нашествий лукавого, увлекши его опоры, разрушают и размывают (Мф. 7, 26-27).

Глава 22. О послушании – полнее

Показали мы, по возможности, что однажды вступивший в единение с духовным обществом должен хранить сие единение неразрывным. А теперь снова займемся словом о послушании, о котором прежде говорили мы кратко; теперь же изложим свои мысли совершеннее и покажем, какой благопокорности к настоятелю требует от подвижников строгое учение, потому что меру сей благопокорности попытаюсь определить из самого Святого Писания.

Апостол Павел в Послании к Римлянам повелевает всем властям предержащим повиноваться (Рим. 13, 1), то есть повиноваться властям мирским, а не духовным, что и дает он уразуметь в последующем, где говорит об уроках и дани (7), и объясняет, что даже в самой малости противящийся власти противится Богу (2). Посему если закон Божий требовал от благочестивых такого подчинения начальникам мира сего, получившим начальство по человеческому закону, и притом жившим тогда в нечестии, то какую благопокорность обязан подвижник оказывать начальнику, который поставлен Богом и приял власть по Его законам? Противящийся наставнику не явно ли противится Божию повелению, особливо же, когда Апостол ясно повелевает во всем повиноваться духовным вождям? Ибо говорит: Повинуйтесь наставником вашим и покаряйтесь, тии бо бдят о душах

ваших, яко слово воздати хотяще; да с радостию сие творят, а не въздыхающе, несть бо полезно вам сие (Евр. 13, 17). Поэтому если не в точности повиноваться несть полезно, то надобно нам стремиться к тому, что полезно, потому что слова несть полезно, как думаю, дают подразумевать великий ущерб, требующий раскаяния и исправления.

Более же всего надобно подражать благопокорности святых, какую оказывали они пред Богом, если намерены мы, воспользовавшись достаточным для нашей цели примером, совершенно выполнить долг послушания. И никто да не думает, что, желая внушить благопокорность пред наставниками, привожу примеры слишком высокие и благопокорность людям надменно осмеливаюсь уподоблять тому послушанию, каким обязаны мы Богу. Не по собственному своему изволению, но согласно с самыми Божественными Писаниями делаю это уподобление. Ибо смотри, что говорит Господь в Евангелиях, предписывая иметь послушание к рабам Его: Иже вас приемлет, Мене приемлет (Мф. 10, 40) и еще в другом месте: Слушайя вас, Мене слушает, и отменяяся вас, Мене отменяется (Лк. 10, 16). А что сказанное Апостолам узаконил Он о всех и после них наставниках, сие можно подтвердить многими и несомненными свидетельствами Божественного Писания и самыми ясными доводами. Почему и мы выразились согласно с Божественными узаконениями, сказав, что благопокорность святых Богу должны мы брать себе за образец послушания настоятелю.

Как же святые оказывали благопокорность Владыке? Посмотри на Авраама, которому велено оставить дом, отечество, имущество, владения, родственников, друзей - сверх того, искать противного: земли чужой, неизвестного, скитания, бедности, страхов, опасностей и всех неприятностей, какие сопровождают странников. И он беспечально повинуется, оставляет домашнее благоденствие и спокойствие, вместо же сего избирает бедствование и странствование на чужой стороне. Видишь ли, какой он самый строгий подвижник и как для Бога презирает всякое мирское благоденствие?

Но посмотрим, что было впоследствии. Приходит он в Палестину - на место, какое указал ему Бог для поселения; но поелику страну сию посетил голод, переходит в Египет и там, когда отнята была у него жена, не малодушествует, не сетует на Божии распоряжения как получивший такое возмездие за свою благопокорность, но кротко переносит свою обиду, из всех обид самую тяжкую, и не в этот один раз, но и в другой еще, от царя герарского. Ибо однажды решившись на послушание пред Богом, смотрит не на то, как домостроительствует о нем Бог, но на то, как ему соблюсти самое точное и неукоризненное послушание. За сие-то напоследок получает и сына Исаака - награду и дар за долговременную молитву и веру. Но когда увидел, что Исаак приходит в цветущий возраст и подает родителям благие надежды в преемстве и в последующем продолжении рода, тогда, после таких надежд, получает от Бога повеление возвести его на высокую гору и принести в жертву Даровавшему. Приняв же это разительное требование и это страшное служение, когда не только исполнить, но и выслушать повелеваемое было выше сил природы, смотри, с какою кротостью переносит сие: не теряет ума, не падает духом, но с таким спокойствием и безмятежием мыслей, как будто намереваясь принести в жертву агнца, возлагает на себя иго послушания и идет за сыном исполнить повеление, нимало не испытывая Божия о сем суда и не сетуя, но имея ввиду свое дело - ни в чем не нарушить долга послушания. А таким образом приобрел он светлый венец: для целой вселенной поставлен в столп веры и послушания.

Можно было бы распространяться о благопокорности и прочих святых, просиявших в ветхозаветной истории, в урок подвижникам беспрекословного послушания. Но чтобы не сделать продолжительного слова, каждого желающего научиться отослав к слушанию Святых Писаний, обратим слово к ученикам Спасителя и покажем, как они были послушливы и покорны.

Говорит им Иисус еще в начале их обучения, когда ожидали, что Господь скоро будет царствовать, и предполагали, что сами они ничего не потерпят, не подвергнутся опасностям, не понесут трудов, но будут царствовать со Христом и сделаются причастниками Его царской славы, Ему подобающих служения и почести. И это дает видеть Петр, пререкающий Иисусу, когда предложил Он слово о Своем страдании, ибо сказано: И поемь Его Петр, начат

пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи! не имать быти Тебе сие (Мф. 16, 22), показывая тем, что не ожидал ничего прискорбного. То же дают видеть и сыны Зеведеевы, которые привели мать просить за них Господа, чтобы почтены они были седением один по правую, а другой по левую сторону; ибо если бы не предполагали, что очень скоро воцарится, то не осмелились бы просить Его, размыслив о седении Спасителя на небесах одесную Отца. Итак, что говорил им Иисус, когда они сего ожидали и надеялись? Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков (Мф. 10, 16). И таким образом, выслушав слово, столь противное собственному их упованию, не сказали они: "Мы пришли с другими надеждами, а Ты повелеваешь противное нами чаемому. Мы ожидали упокоения, а Ты посылаешь на опасности. Мы надеялись на почести, а Ты предлагаешь бесчестие. Мы ожидали Царства, а Ты повелеваешь нам быть гонимыми и быть рабами всех". Они не сказали ничего такого, хотя, сверх сказанного выше, услышали многое и еще более тягостное, например: Предадут вы в скорби и убьют вы; и будете ненавидими всеми языки имене Моего ради (Мф. 24, 9); и пред владыки же и цари ведени будете Мене ради (Мф. 10, 18). Так, сверх ожидания выслушав все это, преклонив выю ума, они подъяли на себя иго и охотно пошли на опасности, на судилища, навстречу оскорблениям, метаниям камнями, биениям жезлом, бесчестиям, на кресты, на разные роды смертей, и с таким усердием терпели сие, что радовались и светло праздновали, когда удостоивались приобщаться страданий Христовых. Ибо сказано: радовались, яко сподобишася за имя Его безчестие прияти (Деян. 5, 41).

От подвижника по Богу требуется, чтобы он оказывал такую же благопокорность наставнику. Ибо Христос избрал учеников, назнаменуя, как выше сказали мы, именно сей род жизни, потому что наставник не иное что есть, как человек, который представляет собою лицо Спасителя, стал посредником между Богом и людьми и священнодействует пред Богом спасение покорных ему. И сему научаемся у Самого Христа, Который Петра поставляет по Себе пастырем Своей Церкви. Ибо говорит: Петр, любиши ли Мя паче сих? Паси овцы Моя (Ин. 21, 15-16). Равную власть дает Он и всем последующим пастырям и учителям. Доказательством сему служит всем одинаково данное право, подобно Петру, всех связывать и разрешать. Посему как овцы покоряются пастырю и туда обращаются, куда ведет пастырь, так и подвижники по Богу должны покоряться наставникам, не входя в исследования их приказаний, когда они чисты от греха, но исполняя приказанное со всяким усердием и тщанием.

Как древодел или зодчий каждым из орудий своего искусства пользуется по своему хотению, и орудие не отрекается удовлетворить той потребности, на какую употребляет его художник, но уступает руке действующего им, так и подвижник должен, как орудие художника, содействовать к совершению духовного здания, покоряться во всем, в чем служение его признает полезным наставник, чтобы не воспрепятствовать совершению духовного дела, не приложив своего труда. И как орудие не избирает само для себя, что должно ему делать в пособие искусству, так надобно и подвижнику не самому для себя избирать работу, но распоряжение собою уступать благоразумию и домостроительству художника. Ибо разумно настоятельствующий умеет в точности изведывать нравы, страсти и душевные стремления каждого и соглашать с этим свое распоряжение каждым. Посему никак не должно противиться его приказаниям, но быть уверенным, что всего труднее знать и врачевать себя самого, потому что людям прирождено самолюбие и каждый, по пристрастию к самому себе, превращает истинный суд. Удобнее же может познавать и врачевать нас другой, потому что судящего о других страсть самолюбия не затрудняет в истинном распознавании. А когда в подвижническом обществе установлено такое согласие, тогда удобно водворится между ними мир, и спасение будет соделываемо с общею всех любовью и единомыслием.

Глава 23. О том, что подвижнику и низкие работы должно брать на себя с великим усердием

Подвижник должен и низкие работы брать на себя с великим старанием и усердием, зная, что все, делаемое ради Бога, немаловажно, но велико, духовно, достойно небес и привлекает нам тамошние награды. Поэтому хотя бы надлежало ходить за подъяремными животными, которые носят на себе тяжести для общих потребностей, не должно противиться, представляя в уме, с каким усердием Апостолы повиновались Господу, повелевшему привести жребя, и рассуждая, что те, для кого приняли мы на себя попечение о вьючном скоте, суть братья Спасителю и что благорасположение к ним и старание о них переносится на Самого Господа, сказавшего: понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 40). Если же Он Себе присвоит, что делается для сих меньших, то тем паче присвоит Себе, что более делается для избранных, если только работающий не признает служения своего поводом к беспечности, но оградит себя со всяким трезвением, чтобы и ему самому, и тем, которые вместе с ним, была от сего польза. Если же должен исполнить какую-либо низкую работу, то надобно ему знать, что и Спаситель служил ученикам и не гнушался исполнять маловажные дела; а для человека великое дело быть подражателем Богу и чрез сии низкие работы возводимому быть на высоту одного подражания. Да и кто назовет уже низким то, к чему Бог прикасался Своею деятельностью?

Глава 24. О том, что подвижнику не должно домогаться почестей и отличий

Почестей нисколько не должно домогаться подвижнику. Ибо если за труды и заслуги ищет он воздаяний здесь, то жалок тем, что чрез временное вознаграждение теряет вечное. Если же вознамерился он подвизаться здесь, а венцы получить на небе, то должен не только сам не домогаться почестей, но бегать и отказываться от тех, какие ему воздают, чтобы здешняя почесть не послужила к умалению тамошней славы. Ибо настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая - венцам и наградам, как и великий Павел, приближаясь к скончанию в здешней жизни и к переселению в жизнь тамошнюю, говорит: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох; прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь не здесь, но в день он, праведный Судия (2 Тим. 4, 7-8). И еще Спаситель говорит: в мире сем скорбни будете (Ин. 16, 33); и опять тот же Апостол говорит: многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное (Деян. 14, 22). Поэтому если хочешь царствовать в будущем веке, то ищи здесь не упокоения, не почести, а напротив того, если в настоящее время и скорби потерпишь за слово, то есть за истину, знай, что впоследствии будешь царствовать. Ибо сия награда определена за здешнюю скорбь, подъятую ради доброго. Если же не терпишь скорбей, то не ожидай и тамошних венцов, как не выходящий здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцов.

Посему подвижник нимало да не домогается почестей и предпочтения другим. Ибо всяк возносясь смирится, и смиряясь вознесется (Лк. 14, 11). Если подвижник будет возноситься, то есть у него тяжкий и сильный смиритель, который может низвести до ада. Если же будет смиряться, то блистательно и величественно будет вознесен, потому что Бог собственною силою возвышает смиренного. Итак, подвижник, жди Того, Кто прекрасно возвышает, и никак не малодушествуй ради настоящего. Ибо ты борец и делатель Христов, условившийся целый день провести в борьбе и претерпеть зной целого дня (Мф. 20). Почему же, не исполнив еще меры дня, домогаешься упокоения? Дождись вечера, предела здешней жизни, и тогда Домовладыка придет и отсчитает тебе плату. Ибо вечеру бывшу, сказал господин винограда к приставнику своему: призови делатели и даждь им мзду (Мф. 20, 8), а не в полдень, не при начале найма. Посему жди предела жизни и тогда достойно примешь награду; теперь же люби последнее место, чтобы тогда получить первое.

Глава 25. О неизысканности и простоте в снедах

Подвижник никак не должен домогаться разнообразия в снедах и, даже под видом воздержания, перемены предлагаемых яств. Ибо это бывает нарушением общего благочиния

и поводом к соблазнам, и тот делается наследником возвещенного: горе (Мф. 18, 7), кто в подвижническом обществе подает такие поводы к мятежу. Напротив того, хотя бы для вкушения с хлебом предлагалась соленая рыба, которую святые отцы рассудили вместо другой какой приправы в малом количестве прибавлять к яствам, примешивая сие к остальной снеди из воды или из зелени, подвижник не должен, под предлогом тщеславной, самопроизвольной набожности отказываясь от сего, как бы от мяса, требовать яств более дорогих и доброкачественных, но без особенного к тому внимания, омокая кусок в отвар из весьма малого куска соленой рыбы, да вкушает со всяким благодарением. Ибо этот весьма малый кусок, положенный в такое большое количество воды или, если случится, и в варение из семян, не есть признак лакомства, но самое строгое и в подлинном смысле исполненное терпения воздержание подвижников. Поэтому подвижнику святости не должно обращать внимание на что-либо подобное, потому что мы удерживаемся от подобных яств, не иудействуя, но избегая лакомого насыщения.

Глава 26. О том, что стремящемуся к совершенству не причинит никакого вреда выход из обители

Если подвижник скажет, что вредны для него выходы и путешествия, предпринимаемые для необходимых общих потреб, и потому будет отказываться от выхода, то он не уразумел еще строгости послушания и не знает, что добродетель сия не усовершенствуется такою недеятельностью. Посему пусть посмотрит на примеры святых, как достигали они совершенства в послушании, нимало не противоречили и не противились ни одному, даже неудобоисполнимому, приказу, и пусть обучится совершенному послушанию. Если же кто и в самом деле потерпит от сего вред, то пусть просит братство помолиться за него Богу и сам да испрашивает у Бога с несомненною надеждою, чтобы во всех духовных упражнениях и в телесных служениях добрым делам соделаться ему сосудом, годным в дело и благопотребным. И, конечно, Тот, Кто одобряет усердие ищущих доброго, даст ему силу, так как Сам Он велел просить и сказал: Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцйте, и отверзется вам; всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется (Мф. 7, 7-8) и еще в другом месте: Аще же кто от вас лишен есть премудрости, да просит от дающего Бога всем нелицеприемне и не поношающего, и дастся ему. Да просит же верою, ничтоже сумняся (Иак. 1, 5-6). И вообще во всех таких случаях, в которых ум будет уклоняться от совершенного послушания или сатана станет полагать препятствия, ослабляя и отсекая усердие, мы, пользуясь сим пособием, будем молить Бога и просить, чтобы дано было нам обилие добрых дел, плоти наши пригвождены были страху Божию, ум наш сделался нерассеянным и нимало не уловляем был плотскими пожеланиями и удовольствиями. Ибо мирские пожелания, рождающиеся в душе при рассеянности ума, производят многообразные беспорядки в помыслах и делают нас ленивыми на добрые дела.

Посему каждый из нас да не отказывается служить собственным своим содействием общим и необходимым телесным потребам, но да молит Бога, чтобы получить от Него силу содействия. Ибо если все будут отказываться в подражание тем, которые уже отказались, то кто будет тогда выполнять требуемое нуждою?

Кроме сего, не худо вразумиться в этом и примером. Воин, недавно поступивший в какой-нибудь полк, не о том старается, чтобы служащих в полку переучить по-своему, но сам соображается с порядком и обычаями, какие в полку. Поэтому и включенный в духовное общество должен желать не членов общества преобразовать по своему нраву, но собственный свой нрав привести в согласие с обычаями и уставами общества.

Глава 27. О том, что подвижнику не должно иметь своих собственных занятий

Подвижник ни на малое время не должен иметь власти располагать собою, чтобы предаваться собственным занятиям. Ибо как орудие не может двигаться без художника и член не может ни на краткое время отделиться от целого тела или двигаться без воли

внутреннего художника, правящего всем телом, так и подвижник не имеет власти что-либо делать или исполнять без воли настоятеля. Если же скажет, что он по немощи телесной не в силах исполнить, что ему приказано, то пусть предоставит начальнику своему испытать его немощь. Впрочем, когда размыслит о сказанном в Писании, то и сам будет понуждать себя к исполнению приказаний, слыша слова Писания: Не у до крове стаете, противу греха подвизающесе (Евр. 12, 4) и еще в другом месте: Темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите (12).

Глава 28. О том, что настоятель должен с отеческим доброжелательством устраивать нужное для пребывающих в послушании

Но и сам начальник должен, как отец, пекущийся о своих законных детях, обращать внимание на нужды каждого и по возможности употреблять приличное врачевание и попечение и поддерживать с любовью и свойственным отцу доброжелательством каждый член, действительно немоществующий по душе или по телу.

Глава 29. О том, что в обществе подвижников не должно быть дружеских связей между двумя или тремя братьями

Надобно братьям иметь любовь друг к другу, но не должно двоим или троим, согласившись между собою, заводить особенные дружеские связи. Ибо это не любовь, а возмущение и разделение и вместе доказательство порочности сдружившихся. Если бы они любили общее благочиние, то имели бы общую и равно внимательную любовь ко всем, а когда, отсекая и отделяя себя, они становятся обществом в обществе, то такой союз дружбы есть союз злой, и таких людей сводит что-нибудь отличающееся от общего дела, какое-нибудь нововведение против господствующего благоустройства. Посему не надобно допускать в обществах таких дружеских связей и кому-нибудь для сохранения любви вступать в сообщество с братом, который хочет действовать лукаво и нарушать уставы общего благочиния, а должно каждому быть в общении и единении со всеми, доколе все держатся доброго.

А если кто, захотев противиться господствующему устройству, привлекает к тому же брата, то здоровый брат должен сначала втайне вразумить его, как болящего рассудком; если же не захочет наедине принять врачевство, то нужно пригласить и других братьев, более рассудительных, для уврачевания его, по сказанному в священной Евангелии: аще же тебе не послушает, поими с собою еще единого или два (Мф. 18, 16). А когда и их не послушается, надобно объявить о душевном его недуге настоятелю; если же не примет и увещаний настоятеля, то должно смотреть на него, как на язычника и мытаря, и, как овцу, одержимую заразой, выгнать из стада, чтобы не заразить ему и прочих своим недугом. Но ежели никто не может потерпеть вреда от худого примера, то единственно в этом случае и уже по употреблении выше упомянутых средств можно дать место долготерпению в надежде исправления. Долготерпение же будет состоять в том, чтобы не отсекал его, а не в том, чтобы оставлять его без увещания и вразумления законными наказаниями.

Глава 30. О том, что подвижнику не должно заботиться о выборе для себя одежды и обуви

Не надобно желать себе лучшей одежды или обуви, а должно выбирать такую, которая похуже, дабы и в этом показать смиренномудрие и не явиться любящими нарядами, самолюбивыми и чуждыми братолюбия, потому что домогающийся первенства отпал от любви и смиренномудрия.

Глава 31. О том, что настоятель должен сообразовывать свои приказания с телесными силами подчиненных, и о скрывающих свои силы

Настоятелю нужно обращать внимание на то, чтобы не делать приказаний, превышающих телесные силы, и через это бессильного не довести до прекословия. Он должен, как отец, одинаково расположенный и близкий ко всем, смотреть на телесные силы каждого и сообразно с тем размерять и распределять свои приказания. Но величайшему осуждению подвергнутся те, которые, имея данную им от Бога телесную силу, отказываются, будто не имеют оной, и, бесстыдно обманывая начальников, не повинуются их приказаниям. Ибо если настоятель навлекает на себя великую и нестерпимую беду, когда скроет талант слова и не будет наперед объявлять каждому о мече, грядущем на грех, то несравненно большую беду навлечет на себя тот, кто, получив от Бога телесную силу для пользы общей, не употребит ее в дело и скроет.

Глава 32. О том, что братия не должны огорчаться, когда слабосильным оказывается пощада

Братиям не должно огорчаться и досадовать, когда настоятель поручает слабосильным служение, соответствующее их силам, и по требованию нужды оказывает им пощаду, а напротив того, более сильным надобно щадить имеющих нужду в пощаде, как немощные члены, и таким образом исполнять долг духовной любви. Ибо и нога в теле не восстает против руки, не принуждает ее к своим делам, и целая рука не накладывает на мизинец тяжести своей работы, но каждый член действует тою силою, которую получил от природы, поддерживая члены слабые. Когда такой порядок будет соблюдаться в обществе духовном, тогда окажется, что мы поистине тело Христово, и уди от части (1 Кор. 12, 27), всегда сохраняющие стройное согласие и безмятежное единение друг с другом.

Глава 33. О том, что настоятели не должны давать воли подвижникам, оставляющим свое собрание, и принимать их в общежитие

Начальствующие над духовными обществами должны действовать в духе взаимного доброжелательства и, заботясь друг о друге, не разорять того, что устроено другими, и не принимать просто, без разбора, тех, которые оставляют другие братства. Ибо это есть совершенное замешательство, расстройство и разрушение духовного дела. Так, разумнейшие из братий твердо пребывают в добре, удерживаясь страхом Божиим, а ленивые и беспечные ведутся и направляются к добру стыдом человеческим и нуждою, налагаемою от людей; посему если беспечный увидит, что ему можно без страха убежать от трудов, назначаемых в избранном им однажды обществе, перейти в другую обитель и жить там без опасения и невоздержно, то он легко оторвется от союза, и поспешно принимающий его будет виновен в его погибели. И когда это зло размножится, то и хорошо живущих нередко будет совращать с прямого и правого пути, и гибель всех их соберется на главу того, кто подает повод к таким поползновениям. Итак, чтобы не случилось сего, будем отступающих от своих братий вразумлять и возвращать туда, откуда они вышли. Если же не послушаются нас, будем беречься и отвращаться от них, избегать встречи с ними и это же внушать и всем братиям, дабы или они сами, уцеломудренные таким отвращением, опять вошли в свою ограду и паслись от поставленного над ними пастыря, или ежели они пребудут упорными в своем отречении от общения духовного, то, по крайней мере, прочие, видя, как гнушаются ими, уцеломудрились бы их примером и, избегая стыда, боялись бы подражать им.

А чтобы показать, что это не мои слова, а ясные законы Духа, предложу вам глаголы Павла, которыми он обличал невоздержно живущих, подвергая наказаниям, вместе с другими, и пьянствующих, и поносителей: еще бо,- говорит он,- будет блудник, или досадитель, или пьяница, с таковыми ниже ясти (1 Кор. 5, 11). И в другом месте, указывая на ничтоже делающая, но лукавно обходящая (2 Фес. 3, 11), говорит: сего назнаменуйте и не примешайтесь ему (14). А что нарушающий обеты, данные Духу Святому, поступает хуже досадителей, пьяниц и проводящих жизнь в праздности, это всякому очевидно. Итак, самый

разум по праву убеждает нас тем людям, которые разоряют духовное благочиние, воспрещать и преграждать всякие сношения с хранящими оное. Отлучка брата из обители тогда только остается непредосудительною, когда это бывает по определению настоятеля для устройства дел монастыря.

Глава 34. О том, что подвижник, живущий в братстве, не должен приобретать чего-либо мирского в собственное свое владение

Подвижник, вступивший в описанное нами общество, должен быть свободен от всякого приобретения в собственность вещей мирских. Ибо если не исполняет сего, то, во-первых, нарушает строгость общежития приобретением собственности, а сверх того сам на себе представляет сильное доказательство своего неверия, как не доверяющий Богу, что Он пропитает собравшихся во имя Его, и как не внявший пророку Давиду, который говорит: Юнейший бых, ибо состарехся, и не видех праведника оставлена, ниже семени его просяща хлебы (Пс. 36, 25), - или духовные хлебы разумения, или хлебы чувственные, какими питается тело. Если идеже два или трие собрани во имя Христово, ту Христос есть посреде их (Мф. 18, 20), то кольми паче Он там, где собрание многочисленнее и многлюднее. Поэтому или не будет у нас, потому что Христос с нами, недостатка в необходимом, как у израильтян в пустыне не было скудости в потребном, или если и произойдет недостаток к испытанию нашему, то лучше терпеть скудость и быть со Христом, нежели вне общения с Ним изобиловать всем житейским.

Вред же от приобретения собственности не ограничивается сим, но простирается далее. Ибо домогающийся иметь что-либо собственное не об ином чем помышляет, как об отделении и отступлении. А у кого нет сего в виду, на что ему иметь и собственность, когда знает, что рабы Христовы, по благодати Христовой, всегда изобилуют всем необходимым? Посему явно, что такой человек замышляет об отсечении и умерщвлении собственной души своей, за малое число оводов предает собственное свое спасение и делается (позвольте мне выразиться несколько смело) вторым Иудею, начав кражею (потому что личная собственность есть кража) и окончив предательством, ибо и он предает слово истины, как тот - Господа.

Действительно, когда у нас правило жизни - не отделяться от общества, к которому присоединились, не приобретать ничего в собственность и вообще не замышлять чего-либо тайного и такого, что ко вреду братии служит худым примером для спасаемых, и когда после этого кто-нибудь презирает страх Божий и постановления Святаго Духа, замышляет же сперва хищение (потому что приобретать в собственность что бы то ни было и откуда бы то ни было есть хищение), а потом отступление и отделение, то как же не изменяет он слову истины и не делается вторым Иудею, в своем роде предавая истину?

Посему всемерно надобно избегать приобретения чего-либо в свою собственность сверх получаемого для всех вообще и не в этом только отношении соблюдать мысль неоскверненною, но очищать внутреннего человека и от всякой скверны, то есть, во-первых, нечистых и лукавых помыслов, которыми омрачается внутренняя обитель Духа, затем лести, лицемерия, зависти, сварливости, которые с корнем исторгают любовь и удаляют из души таких людей Бога, ибо если Бог любви есть (1 Ин. 4, 8), то кто не имеет в себе любви, тот лишается Божественной благодати.

Должен же каждый, соблюдая душу свою во всяком смиреномудрии, во святине и в готовности на дела благие, загладить помысл для настоящего, имея ввиду, чтобы в настоящее время не уклониться в чем-либо от Божией воли и не прервать начатого образа жизни. Ибо таковое состояние души избавляет нас от всякого рассеяния и делает, что с благоговением и твердою мыслию соображаемся со всем прекрасным, прежде всего укореняя в душе, что Бог благ и виновник всякого добра, но ни единого какого бы то ни было зла, хотя мы для собственного нашего исправления и вкушаем горькое врачевство. Бог как врач человеческих душ по свойству болезней соразмеряет достаточную силу врачеваний, чтобы, когда сие нужно, очистить глубоко вошедшую порчу. Ясно сие зная, всегда будем

благодарить, хотя испытаем на себе и сильное врачевание, очищающее от разных видов нерадения. Но терпеливо переносить искушение и испытание свойственно весьма немногим людям и только подобным Аврааму.

Вот что Божия благодать ниспослала смирению моего ума в наставление вам, возлюбившим общежитие, в сравнении с которым, как и Писание показало, и мой ум убежден, не найдется у людей другого рода жизни, столько светлого, приятного и высокого. Поелику же предлагал я по мере сил своих увещание и ведушим жизнь отшельническую, а у тех и у других цель одна - благоугодить Христу, и правила для сего между собою сродны, то обратимся и к тому слову, которое им было предложено. Ибо, может быть, в настоящее слово и оттуда внесется нечто полезное, способное к тому, чтобы еще более сделать светлым и украсить сей образ жизни.